

vk.com/beautiful_translation

СТАРАЯ КРОВЬ

ЭКСПЕРИМЕНТ В УЖАСЕ. ПОВЕСТЬ

КАРИНА ХЕЛЛЕ

После появления в первой книге призрак, известный как Жуткая клоунесса, постоянно возникал в жизни Перри Паломино. Но за жутким макияжем и пронзительным взглядом скрывается Пиппа, такая же женщина, как все.

Хотя не совсем.

Когда Перри обнаружила послание Пиппы для нее и Декса, она подумала, что это было последнее сообщение старушки. Она ошиблась. В этой повести Пиппа рассказывает о своем мучительном прошлом, показывая, как начинающая актриса и любящая мать обезумела, и какое ужасное предательство привело к ее смерти.

Для Перри ее послание может изменить все.

События повести происходят между пятой («На крыльях демона») и шестой («В пустоте») книгами серии.

Моей бабушке

ПРОЛОГ

Мои дорогие Деклан и Перри. Не знаю, услышите ли вы это. Будете ли вы прослушивать это еще раз, дослушаете ли до конца. Я знаю, сейчас все запутано, и вы оба страдаете от произошедшего. Порой я не могу дотянуться до вас, но я вас вижу. Вы со мной, вы оба, всегда, даже если вы порознь.

Деклан, если ты слушаешь это, тебе нужно идти за Перри. Проглоти боль и гордость и иди за ней. Ей нужна твоя помощь больше, чем обычно, и я не знаю, как много я могу сделать для нее. Здесь, на Другой стороне, я чувствую... кое-что вижу. Те, что когда-то были людьми, хотят забрать ее. Те, что однажды снова придут за тобой. Боюсь, времени мало. Вставай с пола и иди за ней.

Если ты слышишь это, возьми запись с собой. Когда ты спасешь ее, включи это ей.

Моя история — это и ее история.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не знаю, с чего начать. Вспоминать прошлое — каждый месяц, каждый год — страшное занятие. Даже здесь, в этой Тонкой вуали, где мои воспоминания кажутся четче, сложно вспомнить многие подробности моей жизни. Остались важные моменты, крупные и маленькие, которые вели меня по выбранному пути. По пути, который привел к моей смерти. И к вам обоим.

Я никогда не думала, что буду рассказывать историю, в конце которой умираю. Это не красиво. Но это правда, и ее нужно услышать. Особенно, тебе и Перри. Вы так похожи на меня. Друг на друга. Если кто и может сделать выводы из моих ошибок, так это вы.

Я надеюсь, что в конце вы сможете меня простить.

Судя по записям, я родилась в удивительно холодный день в мае 1925. В тот день редкая для того времени снежная буря накрыла лес и долину, где жили мои мать и отец в маленьком каменном доме, и я родилась под толстыми одеялами, и доктор помог мне

вдохнуть.

Я жалею, что сделала тот вдох.

Мои родители были жесткими шведами. Лес окружал большое озеро, ближайший город был в двух часах ходьбы. Мой отец был лютеранским священником в церкви на другой стороне озера. Летом он переплывал мелкую воду на лодке, а зимой ездил. Мама была без образования, ей нравилось оставаться дома и вязать носки для холодов. Я помню себя еще маленькой, но уже чешущейся от колючей шерсти, покрывающей мои ноги.

У нас было мало вещей, ведь мой отец верил, что бог дает нам все, что нам нужно. И в этот список входила и любовь. Я не видела у него ни капли любви ни ко мне, ни к моей матери. Для него бог был всем, а мы были просто созданиями ночи. Простые люди. Грешники. Он не говорил этого напрямую, но это читалось во взгляде. Он смотрел свысока на прихожан, так же смотрел и на нас.

Моя мама была тихой и с хорошими манерами. Я помню, как наблюдала за ней у плиты, когда она по утрам пыталась нагреть воду для кофе. Она казалась такой маленькой и хрупкой, сгорбленной и побежденной жизнью. И была я. Даже в шесть я была высокой для своего возраста, моя энергия играла на нервах отца. Уверена, он считал меня порождением Дьявола. Он бил меня не жестоко, но больно. Ему не нравилось, когда я сочиняла истории о девочках, прячущихся у нас в саду, и волках, терзающих детей на части. Он говорил, что воображение меня погубит, будет моим грехом, и если он не использует ремень, как ему говорит бог, меня не спасти.

Уверена, вы понимаете, что на огороде прятались девочки, а лес был полон адских гончих, что ели брошенных детей. Я их видела, это было правдой. Я не сомневалась в себе, даже когда стоило. В этом главное отличие между мной и вами.

Когда это случилось впервые, я обвинила маму. По ее виду не скажешь, по ее морщине, что появлялась между глазами, когда она вязала, по тому, как она осторожно общалась с моим отцом, но моя мать была отличной рассказчицей с удивительным чувством юмора. По субботам она брала меня в лес, мы ходили по протоптанным тропам среди берез, пока не начинались сосны и камни, и мы больше не могли идти. Мы останавливались у потрепанного камня, она давала мне кусочек лакрицы. Уверена, она думала, что я ждала наших прогулок из-за этой солоноватой сладости, но это был лишь бонус. Мне нравилось быть с мамой и подальше от отца. Она была совсем другой. Она все равно говорила тихо, но ее глаза оживали, когда она рассказывала мне легенды, истории о сверхъестественных существах, что населяли лес и жили в озере, об умных троллях, которые поджидали таких девочек, как я. И теперь я понимаю, что истории были отчасти предупреждением оставаться дома, не ходить одной в лес, но я знала еще, что так мама выражала себя. Может, так она ощущала, что дает мне что-то, ведь нам было позволено очень малое.

И одним летним вечером, когда свет почти поцеловал тьму, мне стало плохо. Я не знала, что это было, но началось за ужином, ужасная боль пронзила висок, и моя рука сжалась и сбила копченую форель с тарелки. Боль была такой, что я могла только сжаться в комок на холодном полу. Отец был в церкви, и мама не знала, что делать. Тогда у нас не было телефона, радио или чего-то еще. Даже лошади не было. Мама прижала к моей голове холодный компресс и отвела меня в кровать, а потом ушла к соседям в двадцати минутах ходьбы от нас.

Боль длилась несколько мгновений, я могла видеть только черные точки и волны, а потом это быстро пропало. Боль исчезла, и мне стало лучше. Даже очень хорошо. Я

прислушалась, в ушах уже не звенело, я обрадовалась шуму дятлов снаружи и тишине дома. Я была одна и могла делать, что хочу.

Я медленно встала и улыбнулась солнечному свету, льющемуся в окно. Помню, ветер с озера раздувал бело-красные шторы, и я улыбалась так сильно, что щеки болели. Это была свобода. Я впервые ощутила ее вкус.

Я спустилась по узкой лестнице в гостиную и кухню, думая о том, что делать еще сорок минут. Мама могла бежать, так что времени оставалось мало.

К сожалению, заняться было нечем. Как я и говорила, вещей у нас было мало, я больше всего любила книги, и мама читала их мне, когда папа не смотрел, а сама я еще не могла читать. И я пошла за лакрицей. Я знала, что ее прятали на самой высокой полке над раковиной.

Я вытащила из-под стола табурет и начала двигаться к полке, когда услышала звук. Смех.

Я замерла и оглянулась. Я знала, что была одна в доме. Но звук повторился. Веселый смех. Девичий, воздушный, переливающийся на ветру.

Я забыла о сладостях и пошла к входной двери. Я замерла, а потом опустила ладонь на ручку, прислушиваясь. Снова раздался смех. Он точно доносился снаружи, и это не была мама. И я не видела детей по соседству, кроме мальчика на ферме, куда и отправилась мама.

Странный холодок скользнул по моей спине. Я скривилась от этого и начала бояться выходить, но все же сделала это. Моя рука повернула ручку, как делала это каждый день, и я вышла во двор.

Наш дом был маленьким, но двор большим. Он тянулся до берега озера, где тусклый коричневый песок смешивался с водорослями. Сегодня вода шумно и спешно билась о берег, словно хотела кого-то заполнить. Может, дом. Может, меня.

Я отогнала такие глупые мысли и старалась не думать об огромной женщине-рыбе, которая, по словам мамы, жила в озере. Я повернулась к деревьям, граничащим с двором, и смотрела, как они покачиваются, их яркие листья поблескивали на солнце.

Смех повторился. В этот раз он доносился из-за дома, где у мамы был огород и маленький погреб для заготовок на зиму.

Я прошла вдоль дома, радуясь, что мои кожаные ботинки были поношенными и не скрипели. У края здания я медленно высунула голову и посмотрела на огород.

Я не двигалась, но дышать перестала.

В саду, за грядками помидоров, что вились на дощечках, была девочка. Она была, наверное, на год старше меня, примерно одного роста. У нее были самые светлые волосы из всех, что я видела, резкий контраст с моими темными волнами. Она была в прямом красном платье, без оборок, которые часто были на моей одежде, и в блестящих белых туфельках.

Она пряталась за растениями. И следила за мной.

Не было смысла прятаться за стеной. Меня заметили, и по странному взгляду синих глаз девочки я подумала, что меня ждали.

Я кашлянула и попыталась заговорить, но не могла. Я попыталась снова, боясь, что что-то случится, если я не скажу что-нибудь, и мой язык заработал.

— Я — Пиппа Линдстрём, — сказала я, стараясь не показывать ей всю себя. — А ты?

Я ждала ответ. Вопрос был простым и понятным. Но блондинка прижала палец к губам, бледным, как я видела среди растений. Ее глаза стали широкими и посмотрели мне за голову.

Я проследила за ее взглядом.

За мной, у начала тропы, ведущей в лес, был высокий темный мужчина. Он был тьмой. Знаю, звучит странно, но я не могла различить его черты, чего-то, что делало его человеком. Все в нем было тенями, тьмой и пустотой. Он был в черном плаще, черных ботинках и брюках, его кожа шеи и лица выглядела так, словно он стоял в тени густого дерева.

Но этого не было. Солнце светило на него, но... не доставало его. Свет не озарял ни клеточки его тела.

Моя кровь замерзла, как озеро зимой. Я посмотрела на девочку за грядкой, она еще была там, прижимала палец к губам, молила глазами ничего не говорить.

И я молчала. Я даже не кивнула, боясь выдать ее. Я спокойно смотрела на мужчину, словно только его видела у своего дома.

Мужчина смотрел на меня. Не знаю, откуда я знала это, потому что я не видела его глаза, и были ли они у него. Но он смотрел так, как делают совы, решая, откусить ли мышке голову. Как хищник.

Он развернулся и пошел в лес. Может, он парил, я плохо помню. Если правильно помню, я подумала, что он пропал в коре деревьев. Но он был там в одну минуту, а в другую пропал.

Убедившись, что он ушел, я обошла дом и прошла к девочке. Она отпрянула на пару шагов, выглядя испуганно. Я заметила, что ее туфли оставались белыми, хотя после вчерашнего дождя в саду было грязно. Это было странно. Да?

— Кто ты? — спросила я, желая услышать ответ. — Где ты живешь?

— Я живу в озере, — сказала она.

Я захихикала и уперла руки в бока.

— Врешь. В озере никто не живет.

Даже монстры. Так хотелось верить.

Она покачала головой и пошла по грязи. Ее ноги не оставляли следы.

В это как поверить?

— Где ты живешь? — спросила я снова, она обошла меня и ускорила, направляясь к другой стороне дома. Я пошла за ней, глядя на ее ноги, которые не пачкались, не оставляли следы.

— Я живу в озере, — сказала она снова, словно я не слышала ее.

Она поспешила вперед, стало видно озеро, вода тут же успокоилась. Словно был переключатель, который заставлял волны двигаться и останавливаться.

Я знала, что девочка не жила в озере, но не стала спорить. Она была первой девочкой моего возраста, с которой я говорила. Я хотела, чтобы она осталась и поиграла со мной. Я хотела дать ей лакрицу и попросить остаться на торт, но быстро поняла, что она видела только озеро.

— Не уходи, — крикнула я ей вслед, пытаюсь догнать ее. — Прощу.

— Мне пора домой. Он найдет меня здесь.

— Кто? — спросила я. Я шла теперь рядом с ней и старалась не отставать. Хотя я была высокой, она была немного выше, старше и решительнее. Ее светлые волосы подпрыгивали вокруг лица, ее синие глаза смотрели на воду. Она не мигала. — Куда ты идешь? — спросила я, замерев, когда ботинки оказались на берегу.

Она не ответила и не остановилась. Она вошла в озеро без проблем, словно вода была воздухом. Ее одежда даже не промокла от воды. Вода окружала ее блестящим одеялом, за

секунды ее голова пропала. Она была в озере.

Я сбросила ботинки на траву за собой, не желая мочить их, и пошла в озеро. Было холодно, глубоко, вода не была теплой и мелкой, как должна была. За секунды тело застыло от температуры, ноги не могли нащупать дно. Моя голова была над водой, а потом только нос, а потом вообще ничего. Я тонула и тонула, пока не обнаружила светловолосую девочку.

Сначала я подумала, что она схватила меня за ногу. Может, она собиралась поднять меня на поверхность. Легкие болели, глаза жгло, и мне требовался воздух.

Но в последние мгновения перед потерей сознания я поняла, что она не хватала меня.

Она наткнулась на меня.

Она парила прямо, покачивалась в мутной воде, как камыш от волн. Ее волосы расплылись вокруг нее золотой сетью. Белые туфельки на ее ногах теперь были грязными, там были толстые ржавые цепи. Они обвивали ее тонкие лодыжки и носки, приковывая ее ко дну.

Она выглядела мертвой, пока не подняла голову.

На меня смотрело мое лицо.

Я закричала, и вода залилась в мои легкие. Водный мир стал тенями.

А потом я проснулась в кровати в плотном одеяле, рядом была чашка горячего чая.

Я была в своей крохотной спальне. Была ночь, но я не знала день. Я знала лишь, что мама говорила со мной, словно я говорила с ней. Это было что-то скучное о церкви.

Внизу гремели шкафы, верный признак, что папа злился. Он злился на меня? Что случилось?

Мама ощутила мою настороженность и погладила по голове.

— Больше не говори о той девочке, — прошептала она. Она склонилась, и я уловила запах духов, которые она наносила только по воскресеньям. Я проспала несколько дней?

И девочка. Девочка со светлыми волосами, в платье и белых туфельках, что были чистыми, пока она не оказалась мертвой в озере. Она была настоящей. Я видела ее, она пряталась за грядкой.

— Он поступил хорошо, не используя ремень, — продолжила она. — И тебе нужно вести себя хорошо.

Я хотела многое рассказать, но не могла. Я не знала, что болтала в странном сне. Но родители точно спишут мои слова о девочке на сильное воображение, ложь или работу дьявола.

Через несколько дней, когда родители сказали, что я в норме и уже не угрожаю себе, мы услышали новости от местных лесорубов, проходивших мимо. Грета Лунд, юная дочь одного их прихожан церкви была найдена мертвой на дне озера. Мужчина рыбачил и зацепил ее волосы крючком. О цепях они не говорили, но я-то их видела. Я видела ее, видела, что с ней произошло. Ее убили. Был это тот черный человек? Я не знала тогда. Но я знала точно, что видела то, что было одновременно реальным и нереальным. Я была особенной. Но это не было удачей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда это случилось со мной во второй раз, я была на пару лет старше и не могла больше винить мамины истории в этом. Она перестала рассказывать их много лет назад. Это была первая потеря из-за моего особого видения — у меня больше не было той близости с

мамой. Я начала ходить в школу в Уллапа, ближайший город, куда я ездила каждое утро с нашим соседом Арстандом и его сыном Ставой. Арстанд, как вы помните, был фермером, нашедшим меня с матерью в озере, когда мне было шесть. Потому Арстанд меня недолюбливал, казалось, он в любой момент лопнет.

Но он терпел меня достаточно, чтобы подвозить в школу на новой машине. Мои родители все еще отставали от времени, отец сторонился от машин, считая их ненужными идолами обжорства. Может, он и был прав, но добираться так было удобно.

Става оказался моим единственным, а потому и самым близким другом. Он был немного странным и забавным, но странности мне подходили. Он был маленьким для своего возраста, у него торчали уши. Арстанд называл его «слоненком». Ставу это не обижало. Он был веселым, любил слушать, как я о чем-то ворчу. А еще он любил приключения, и, когда мы начали играть вместе, мы исследовали ферму, на которой он жил, забирались на стога сена и прыгали в кучи внизу или кормили козлят (когда не гонялись за ними). Родители не очень радовались, что я проводила столько времени не дома, но мама, полагаю, ощущала, что она в долгу перед Арстандом, и они смирились. Может, они были рады, что за мной кто-то приглядывает.

Става показывал мне новинки, кроме машины, конечно. Быть фермером было престижнее, чем священником, и у них были библиотека и радио. Библиотека мне нравилась, ведь я как раз училась читать, но радио перебило все. Когда я была у них после школы, его отец, мать и двое младших братьев сидели вокруг большого радио и слушали программы из Стокгольма. Новости были скучными, когда не касались проблем в Европе, но мне нравились пьесы и программы после новостей. Тогда я полюбила игру и театр. Я не видела спектакли, конечно, я не видела еще ни одного выступления, пение в церкви не в счет, но я могла все представить, словно была там с актерами.

— Когда-нибудь я буду на радио, — шепнула я в смешное ухо Ставы. Мы сидели на ковре в его гостиной, там пахло навозом, сметаной и домашним хлебом. Звучало не плохо, так для меня стал пахнуть дом, хоть он был не моим. Родители Ставы были не так и милы со мной. Арстанд всегда следил за мной. Его жена Элси была хорошей женщиной, но часто терялась в мыслях, больше всего времени проводила за работой над козьим сыром или уходом за братьями Ставы. Я не была для них вредителем, но они и не любили меня. А я все равно ощущала свободу и надежду в их доме.

Решив быть актрисой, я сосредоточилась на этом. Я сказала об этом родителям и получила ремнем. Было не больно. Я слишком злилась, чтобы было больно. Я злилась, что отец был таким ограниченным насчет девичьих мечтаний (а куда мы без мечты?) и на мать, которая никогда не вступалась за меня. После случая на озере она перестала рассказывать истории, перестала быть мне подругой. Это ранило сильнее всех ремней, сильнее ощущения, что я тону в ледяном озере.

И я не говорила больше об этом с родителями. Стоило знать, что они начнут искать, откуда пошла эта греховная идея, и когда они узнали, что я слушала радио, мне запретили ходить к Ставе. Мне не мешали видеться с ним, но запретили слушать радио. Мои уши нельзя было загрязнять чужими идеями. Они поговорили с его родителями и, чтобы сохранить мир с соседями, согласились. А какое дело было до этого родителям Ставы? Им было все равно, слушаю ли я радио. Одним ребенком в доме меньше.

Меня это не сломало. Я набралась решительности стать актрисой, найти способ.

Но мне не давали больше проводить время в доме Ставы, и нам оставались только игры

на улице. Игры в сене и с козлятами надоели еще в девять, и мы начали ходить после школы в лес.

Часть меня боялась высоких деревьев и темных троп, и я постоянно выглядывала человека без лица. Он не показывался. Но появилось нечто другое. Нечто ужасное.

День был прохладным и серым ранней осенью. Листья только перешли от красного к ржавому и беспомощно липли к ветвям.

Става шел впереди меня, под ним хрустели листья. Он был на два года старше, недавно стал выглядеть на свой возраст. Он часто шагал впереди, притворяясь, что он — охотник или принц, а я шла за ним. Я не была против защиты, даже если это делал одиннадцатилетний.

И я не была против, когда он остановился и взял меня за руку. Я не в первый раз ощутила разницу между нами. Он был мальчиком, а я — девочкой, и по моей руке пробежали мурашки, такие чувства я представляла, когда слышала романтические части радио-шоу.

Я была в таком потрясении от того, что он взял меня за руку, что не сразу услышала вой. Вдруг хватка Ставы стала крепче, он озирался.

— Что такое? — спросила я, не привыкнув видеть панику на его лице.

— Ты это слышала?

Я напряглась и прислушалась.

Я слышала это. Вой волка или дикой собаки. Он доносился слева и словно заполнял лес.

Я посмотрела на него с ужасом.

— Нужно возвращаться, — сказал он.

Я кивнула, мы развернулись, но я слышала крик ребенка, смешанный с этим воем.

Я замерла и потянула Ставу за руку. Он пытался идти дальше.

— Слушай! — хрипло прошептала я.

— Нельзя оставаться рядом с волками! — завопил он, пытаюсь подавить голос. Всем шведским детям, наверное, рассказывали о злых волках в лесу. Я слышала такое от мамы. Но крик ребенка менял историю.

— Там девочка! — сказала я, услышав вопль с той же стороны. Я не была уверена, девочка это или нет, но голос был юным, как у нас, его носителю требовалась помощь.

— Я ничего не слышу, идем, — Става потянул меня.

— Нет! — крикнула я и вырвала руку из его потной хватки. — Прислушайся.

Волк взвыл. А потом стало слышно яростное рычание. И крик ребенка.

— Папа, — кричал ребенок.

Но Става не сдавался.

— Я слышу только волков. Нужно уходить.

— Иди! — сказала я, развернулась и побежала в лес на жуткий звук щелкающих зубов.

Я слышала крики Ставы сзади, может, он даже пытался побежать за мной. Я не винила его за то, что он отпустил меня, как и за то, что он не догнал меня. Он был старше, но я была с ним одного роста, мои ноги были рождены для бега. Через пару минут бега среди берез и выпирающих корней, смешанных с кустами ягод, я осталась одна.

Одна я ругалась последними словами.

Я ждала, прижав ладони к коленям, носки были в грязи, я тяжело дышала. Я сбилась с тропы, так что потерялась и была одна.

Вой и крик человека.

Конечно, я не была совсем одна.

— Дура ты, Пиппа, — сказала я вслух, надеясь, что меня услышит Става. Надеюсь, что не услышат волки. Чем я думала? Я была высокой, но мне все еще было девять, мои навыки выживания состояли из сбора ягод и бросков камнями. Вряд ли я могла спасти. А Става не слышал крик ребенка. Может, это было в моей голове.

Но это повторилось.

— Помогите! — кричал ребенок, и теперь я была уверена, что это девочка младше меня.

Мои пальцы рук и ног болели от холода, который усиливался. Осень в Швеции не была мягкой. В один день могло быть тепло, а на следующий все замерзло. В темном лесу ночью я могла и умереть. Но я решила прийти сюда, такова моя судьба. Знать лучше, чем не знать, даже если я умру.

Знаю, такие мысли не имели много смысла, если учесть, какой юной я была. Но часть меня не боялась того, что стоило. Хотя я все еще была напугана, смерть меня не ужасала. Это не было связано с отцом и его взглядами, просто я уже испытывала смерть. Я знала, что умерла в какой-то степени, когда увидела девочку в озере. Не знаю, как я вернулась к жизни, но думала, что это она, хоть и была мертвой, но защитила меня. Я ощущала, что смогу уйти и от этого.

Было глупо так думать. Я была юной и, как я и говорила себе, глупой. Но так все было. Уверена, риск ради спасения незнакомца можно посчитать благородным, но я не знала, как это видела я. Просто мне нужно было что-то делать.

И хотя все тело замерзло и молило звать Ставу, попытаться найти путь домой, пока не стемнело, я этого не сделала. Я шла на звуки, кралась почти без шума по сухому лесу.

Тьма быстро сгущалась, лес стал выглядеть зловеще. Белая кора берез сменилась камнями и соснами, глаза обманывали меня. Я видела всюду тени, силуэты и лица. Требовались все силы, чтобы держать себя в руках и идти дальше.

Я попала на полянку, где в сумерках было хоть что-то видно.

И я никогда не забуду это, хотя каждую ночь молилась, чтобы забыть.

На поляне, среди высокой травы, были три собаки. Собаки, потому что они не были худыми и хищными, как волки. Они были крупнее, толще, без грации. Даже убивая, волки оставались изящными. Это же было отвратительно.

Собаки напали на девочку, что была на пару лет младше меня. У нее были длинные каштановые волосы, что разметались вокруг ее головы, лежащей на боку. Один пес с зубами крокодила держал в пасти ее ножку. Другие два — руки. Они впивались зубами в нежную кожу внутренней стороны локтя.

Они разрывали девочку на части, и я через миг поняла, что одной ее ноги не хватало, она была оторвана, а юбка — окровавлена.

Я застыла, не могла двигаться, говорить, дышать. Не знаю, как я существовала в тот миг, но я все это видела.

Собаки не смотрели на меня, они продолжали терзать ее, пока пес не оторвал ладонь от запястья. Со шлепком девочка упала на землю, оставшиеся псы перетягивали ее в стороны.

А потом она подняла голову и посмотрела на меня.

Она все еще была живой. Ее лицо было белым, как снег, а глаза — покрасневшими и опухшими.

— Почему он оставил меня? — крикнула она, голос было едва слышно за рычанием собак и щелканьем их пастей.

Я не могла говорить. Я не могла ничего сказать. Я была глухой. Беспомощной. Беспольной.

Девочка смотрела на меня темными глазами, почти не замечая ужаса происходящего.

— Почему он сказал мне идти? — спросила она, ожидая моего ответа. Я смогла лишь покачать головой, не зная, реально ли то, что я вижу, хотя я знала, что это наяву.

Пес у ее ноги зарычал и откусил большой кусок возле ее колена. Он оторвал кусок с гадким хлюпаньем. Рана была рваной, кровавой, было видно кость и связки.

Девочка перестала смотреть на меня. Она закрыла рот. Закрыла глаза.

Я услышала ее в голове.

«Беги, Пиппа!».

Я не знала, как она попала в меня, но так было. Я не теряла время. Туман отпустил меня, и чистая паника наполнила мое тело.

Я бросилась в лес, не оглядываясь. Ее крики прекратились, но рычание чудищ доносилось, пока я не вышла из лесу недалеко от дома Ставы. Я бежала, пока не увидела теплые огни его дома, я рассказала его встревоженной семье, что случилось. Я опустила часть, в которой девочка говорила со мной, они могли не поверить, но поведала все остальное. Става хотя бы мог подтвердить, что собаки там были.

В истерическом состоянии меня доставили домой и отправили домой с рюмкой водки и чашкой чая, которые мама заставила меня выпить несколькими глотками. Родители переживали за меня, и это не удивляло. Но, судя по их взглядам, они тревожились не только из-за собак. Я не знала, из-за чего.

Это случилось в пятницу, и на выходных я не могла увидеть Ставу и его семью. Я сидела дома, мама боялась, что снова нападут псы или волки. Когда я забралась в машину Арстанда в понедельник утром, он сказал, что охотники были в лесу. Они нашли следы диких собак, стая терзала куриц в соседнем городке, и они нашли следы одежды девочки. Но одежда была старой, пробыла в лесу много-много лет. Собаки бились не из-за девочки.

Но я знала, что видела. То, что нашли одежду, дало мне нужные доказательства. Я видела не живую девочку, как и ту, что была в озере. Она была, наверное, жертвой. А еще когда-то семьи с больными детьми, или с теми, о ком не могли заботиться, отправляли их в лес и оставляли на съедение диким зверям. Это давно перестали делать, но я точно видела отголоски этого. Последний крик о помощи... обращенный ко мне.

Я думала об этом много лет. К счастью, за эти годы меня не преследовало ничего ужасного. Я не видела больше диких собак, девочек в саду или людей из теней. Я сосредоточилась на игре в учебу и старалась двигаться вперед.

Но порой я замирала и думала: почему я? Почему они выбрали меня, а не кого-то еще?

Я все еще не знаю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я не соврала, сказав, что меня не преследовало ничто ужасное. Видения эти не прекратились, но были не такими жуткими.

Как-то я увидела близнецов, когда шла домой от Ставы. Они не говорили, стояли с бледными лицами и смотрели на меня. Мне было не по себе, если не хуже, они следовали за мной по дороге. Только возле моего дома они пропали, замерцав в воздухе над горячей дорогой.

В другой раз я отбывала наказание после урока английского. Не помню, за что, но я была буйным ребенком, мне было сложно сидеть смирно. Мы были одни с учителем, но я видела мальчика в углу комнаты. Сначала он пытался привлечь мое внимание, снова и снова повторяя мое имя. Учитель не замечал, и я поняла, что он был каким-то духом. Помогало еще и то, что его глаза были лиловыми, без зрачков. Очень неестественные.

Я продолжала игнорировать его, и он начал плевать мне в волосы шариками бумаги. И я потом нашла их в волосах, кстати. А потом мальчик сдался и ушел из класса, за ним тянулся след сияющей крови. Я смотрела на учителя, чтобы понять, видел ли он это. Он лишь поежился, когда мальчик прошел мимо него, но даже не моргнул, когда дверь открылась, и он ушел.

Такие случаи происходили постоянно, я игнорировала их. Я не знала, что они хотели, но при людях спрашивать не стоило. Я не хотела прослыть безумной дочерью священника.

Я все время думала о театре. Я вступила в театральный кружок, они хотели поставить «Сон в летнюю ночь» к концу года. Своим упорством я добилась роли Елены, а Става получил роль Деметрия. Тогда нам было шестнадцать, он вырос красивым юношей, что я не замечала, пока не оказалась в пьесе с ним. Я замечала, конечно, как девушки моего возраста пускают слюни при виде него, но для меня он всегда был соседом и самым близким другом.

Все изменилось, когда мы решили прогуляться после школы и обсудить пьесу. Мы держались вдали от леса, как обычно, и шагали вдоль края озера, пока не повернули к холмам ржи, покачивающейся на ветру.

В октябре было холодно, но сильное солнце грело мою кожу, которая не была укутана шерстяной одеждой. Небо было просторным, как купол, и невероятно голубым, контрастировало с желтыми полями, как флаг страны.

— Пиппа, — сказал тихо Става, хмурясь. Я замерла и посмотрела на него, было непривычно видеть его таким мрачным.

Он взял меня за руку и крепко сжал. Мои губы приоткрылись, я тихо выдохнула, не зная, что происходит. Мы репетировали?

— Нам нужно быть юными возлюбленными, — продолжил Става. Я кивнула. В его глазах был страх и что-то еще, чего я раньше не видела. Я никогда не видела желание у мужчин. Это отличалось от взглядов, которые на него бросали девушки.

— Да. Для пьесы, — сказала я ему.

Он чуть прищурился, но лениво улыбнулся.

— Да. Для пьесы.

— Нервничаешь? — спросила я. Сама вдруг занервничала. Я перевела взгляд с его странного выражения на длинные пальцы, обхватившие мои.

— Очень, — прошептал он. Я не поднимала взгляд. Наши отношения, как между лучшими друзьями, делившимися всем, которым было уютно друг с другом, изменились. Мне не нравилось нервничать из-за Ставы, и я не хотела, чтобы он нервничал из-за меня. — Мы сыграем. Мы же актеры, — тихо сказала я. Я перевела взгляд с наших ладоней на желтую траву у своих ног.

— Нам не придется, — сказал он, другая его ладонь оказалась под моим подбородком, приподняла мою голову, чтобы я смотрела ему в глаза. Я не успела понять, что происходит, а его губы оказались на моих. Было непросто, у нас обоих это был первый поцелуй. Наши зубы стукнулись, его нос неудобно прижался к моей щеке.

Я хотела бы сказать, что поцелуи потом стали лучше. Но нет. Так все и было. Я не

возражала. О, я не была против, когда Става целовал меня или касался. Но у меня не было таких чувств, как у него. У меня не было влюбленных глаз и похоти, которая была у него на лице.

И я ничего не ощутила в первый раз, когда мы занялись любовью. Именно занялись любовью, потому что я всем сердцем любила Ставу, но другой любовью. Как брата. И хотя отец вбивал, что секс неправилен, я нарушила правила и решила лечь со Ставой на сеновале ароматной летней ночью. Я надеялась, что так у меня изменятся чувства к нему, что в своей семнадцатилетней душе я пробужу сексуальность.

А все закончилось пробуждением тела.

Я забеременела.

Я поняла это, когда не начался менструальный цикл, а потом мне было плохо. Я не говорила родителям, зная, что они подумают. Я не сказала Ставе. Не было смысла.

Я хотела детей. Но я многое хотела успеть до этого. Хотела пожить. Хотела расправить крылья и улететь из этого мертвого места. Я хотела переехать в Стокгольм и попробовать жизнь в городе. Я хотела стать актрисой, сыграть в значимом месте, а не в школе. В театре, где платили, где было красиво. Я хотела такую жизнь. А потом уже я сделаю то, чего от меня ждали. Я хотела влюбиться и завести семью. Но я хотела сама выбрать, когда.

Если бы я сказала Ставе, что беременна, он сказал бы мне рожать, и я любила его достаточно, чтобы пройти через это. Он уже говорил о нашей свадьбе. Если бы я хотела такую жизнь, как жены фермера в городке, что порой играла между беременностями, то я была бы рада. Любая девушка была бы везучей, получив Ставу как мужа и отца детей. Но я была другой. Совсем другой.

Я избавилась от плода, сходя к местной ведьме. Звучит оригинально, знаю, но иначе ее не опишешь. Некоторые говорили, что она была просто вруней, другие говорили, что она делала зелья и порошки, колдуя, а третьи утверждали, что она была травницей. Я знала лишь, что она жила одна в доме в лесу, где деревья высоко поднимались от камней, и никто не называл ее имя на публике. Они звали ее «håxa», Ведьма.

Тропа вела туда, в земле были старые следы от сотен лет катания повозок с лошадьми и ослами. Я была напугана до смерти, но перспектива родить ребенка и застрять в городе пугала сильнее.

Звали женщину Марией, и хотя ее спутанные белые волосы и грубые манеры пугали, она была неплохой. Она сделала мне тоник из шалфея и других листьев и травок, чтобы я добавила его в чай. Она предупредила о боли и кровотечении, но не осуждала меня. Она словно понимала, откуда я, и выражение гордости мелькнуло в ее глазах, когда я рассказала ей о своих планах на будущее. Я была рада, что она сохранит мой секрет, а я — ее. Судя по приходившим, пока я была там, мужчинам, она была распутной женщиной.

Следующий месяц помню смутно. Я устроила выкидыш в озере ясным вечером. Было за полночь, чтобы никто меня не видел. Мне не нравилось быть в воде, но, как только кровотечение стало постоянным, я поняла, что это был самый чистый выбор. Я боялась, что запах крови привлечет кого-то из глубин леса. Я страдала из-за боли, которую заслужила.

После этого нужно было возвращаться в школу. У меня были другие планы. От аборта я каждый день страдала от угрызений совести, и, чем дольше я оставалась с родителями, ходила в школу и видела Ставу, тем сильнее были эти угрызения. Если я хотела жить дальше, стоило двигаться дальше. Иначе в чем был смысл?

И я бросила школу, как только мы начали следующий год, и решила отправиться в

Стокгольм за своей мечтой. Может, там совесть успокоится.

Мое решение потрясло всех, кого я знала. Става не поедет со мной, и я не понимала, как могу оставить его. Как и не понимали одноклассники или учителя — мы казались им идеальной парой. Мои родители были в ярости. Они говорили, что если я уеду, у меня не останется здесь дома. Они отказывались от меня. Я ожидала этого от отца, это меня не удивило, но действия мамы меня потрясли. Наверное, она так расстроилась из-за того, что я уеду, что я не заслуживала быть ее дочерью. Я не знала, как было на самом деле. В хорошие дни я считала, что мама зря меня прогнала. В плохие — не могла ее винить. Я хотя бы готовилась к тому, что ждало меня в жизни. Оглядываясь на это, я задумываюсь, с чего начала копиться моя «карма». С аборта? Или когда я эгоистично бросила возлюбленного и семью?

Я оставила место, где провела детство, с маленьким рюкзаком за спиной. Я все еще могу рассказать, что там было: два платья, одно наряднее другого; красная помада для «игры»; ночная рубашка, корсет, чулки и две пары панталон; томик «Ада» Данте на английском, чтобы развивать язык (украла из школьной библиотеки); маленький блокнот и карандаш и горсть лакрицы.

У меня не было денег, я собиралась доехать в город на попутках, но Става удивил меня и одолжил машину отца, чтобы довезти меня до ближайшей железнодорожной станции. Она была в часе пути, это была наша последняя поездка вместе. Он толком не говорил, но я видела, как разбито его бедное сердце. Это разрывало меня изнутри, и, когда он обнял меня на прощание и сунул горсть крон на поезд и пару ночей в отеле в мой карман, я разрыдалась. Так сильно, как ощущала внутри, моя стальная решимость сломалась в его объятиях.

— Я тебя не понимаю, — прошептал он мне на ухо, пока я давилась слезами, которые не прекращались. — Но, надеюсь, ты найдешь то, что ищешь.

Со звоном в ушах я забралась в поезд и оставила старую жизнь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В каком-то плане я нашла то, что искала. Когда я прибыла в Стокгольм два дня спустя, грязная и уставшая, меня очаровал большой город. Яркие здания пульсировали, были невероятно высокими, и людей было столько, что я словно плыла в море из них. Кстати о море, вода тянулась с сотней мелких островов. Это было не озеро, а дышащее и движущееся море, которое тянулось до дальних земель. Этот роскошный мегаполис потряс меня, я часами стояла на улицах, глаза на всё и вся.

Но мне нужно было привести себя в порядок, поесть и поспать, и я нашла неподалеку пансион среди магазинов. После нескольких попыток и потраченных нервов меня все-таки приняли. Шла война, Швеция была в нейтралитете, и здесь были люди из Норвегии, Дании и Финляндии, переживающие в Стокгольме войну.

Место, которое я нашла, было старым, но только для девушек, и это давало ощущение безопасности. Никто не был общительным, они были замкнуты, но хозяйка помогла мне найти работу. Я две недели работала горничной в доме, работа была в обмен на мое проживание, пока я не найду работу своей мечты или что-то близкое к ней.

В театре искали мастериц на все руки. Им нужен был кто-то опытный, особенно в гриме или костюмах, а еще уборщицы в театре после представлений и репетиций.

И я, конечно, пошла туда. В школе я делала грим для пьес, и, хотя у меня не было опыта

с костюмами, я знала, что у меня есть вкус. Я считала, что идеально подхожу для этой работы, и хотела получить ее.

Театр был в центре города, но в бесхозной части. Я испугалась, когда пошла туда на встречу, как тогда, когда пошла в лес к Марии. В моем городе незнакомцы не скалились при виде меня, никто не кричал грубые слова. Часть меня думала, что это проверка, которую нужно пройти, чтобы понять, справлюсь ли я с такой жизнью.

Когда я добралась до театра, я была на нервах. Снаружи он не впечатлял, простое серое здание с облупленными колоннами и скользкими ступеньками, и я начала думать, что ошиблась.

Но дверь распахнулась, изнутри вырвался теплый свет. Передо мной оказалась Лисбет, управляющая. Она была выше меня, ей было за тридцать, она была в мужских брюках, короткие волосы были завиты. Ее губы были в красной помаде, как у меня (и мы потом отвесили друг другу одновременно комплимент насчет этого). Она улыбнулась, и мне стало лучше.

— Ты, должно быть, Пиппа, — сказала она, протянув руку.

Я кивнула, смутившись и пожав ее руку. Ее ладонь была сильной.

Она повела меня в здание, и я поняла, что прошла проверку. Я должна была прийти сюда.

И хотя снаружи театр выглядел плохо, внутри он был роскошным, как музей. В залах был мягкий темно-зеленый ковер, с потолков висели люстры, гобелены и картины выступлений, от римского театра до Шекспира, украшали стены вместе с плакатами давно прошедших представлений. Лестница, ведущая на балкон, была с позолоченными перилами, которые мерцали, хоть и были старыми. В театре были ряды бархатных сидений темно-коричневого цвета.

И была сцена. Театр был небольшим, но для меня он был огромным. Красные шторы были украшены серебряными завитками, висели по краям сцены, сверху были резные зажимы. Дерево на сцене было вытертым от десятков лет танцующих ног. Я тут же увидела себя там, получающую красные розы от толпы.

Тогда я поняла, что сделаю все, чтобы получить это место, но мне не пришлось особо бороться. Лисбет, наверное, понравилась я, или она увидела во мне потенциал, а то и просто сжалилась, но меня наняли. Я начинала через два дня и отвечала за грим, костюмы и уборку в дни выступлений и репетиций. А еще я буду на собраниях работников, которые она будет созывать. Зарплата была не такой большой, я буду работать то несколько ночей подряд, то вообще едва работать, но это уже было чем-то, и было бы глупо отказываться.

Мне повезло еще больше той ночью, когда появилась одна из главных актрис, Энн Тодален.

Ей было 22, она играла здесь с моего возраста. Она рассказала мне, как развивалась ее карьера, в первый год она была на замене. Она рассказала, что ищет себе соседку по комнате. Энн снимала небольшую квартиру недалеко от моего пансиона и сказала, что ее предыдущая соседка вышла замуж и оставила ее, а сама она платить ренту не могла. Я убедилась, что в ближайшее время замуж не собираюсь.

— Ага, посмотри на себя, — сказала Энн, когда мы попрощались с Лисбет. — Ты прекрасна. Как только тебя увидят наши актеры, они начнут биться за твою руку.

Я рассмеялась и покраснела, мы вышли из театра в сентябрьскую ночь. С Энн я ощущала себя в безопасности, и мне нравились ее слова. Может, я встречу человека,

которого буду любить не как брата.

Энн сама выглядела неплохо. Ее лицо и тело были созданы для выступлений. Она была высокой, но не тощей, что было хорошо для сцены. Ее лицо было милым, с широким ртом и крупноватым носом, но в сумме с сияющими глазами и высокими скулами ее лицо становилось заманчивым, как и ее личность.

На следующий день я переехала из пансиона в место, что стало мне домом на следующие пять лет.

Квартира Энн была на последнем этаже белого здания, что было ужасно, когда приходил уставшим с выступления, но это место я обожала. Квартира была крохотной, с одной спальней, ванной и балконом, куда помещались только два стула, без стола. Одними из лучших воспоминаний были там, мы с Энн сидели летом, курили сигареты, пили пиво и водку, глядя на город после долгого дня.

Спальня была для Энн, так что я заняла диван в гостиной. Это были времена до Икеи но в Швеции все равно не спали на полу. Было довольно удобно, и, хотя не хватало личного пространства, мне не нужно было много платить. Моей зарплаты едва хватало на жизнь, но Энн платила большую часть, что было щедро с ее стороны. Она часто готовила в выходные, и мне приходилось помогать ей съесть все. Я знала, что она делает это намеренно, так что не смущалась, и еда был хорошей. А еще я знала, что ей приятно ухаживать за мной. Как и у меня, у нее было не лучшее детство, и мы старались помочь друг другу.

Сначала работа трепала мне нервы. В своем городе я не стеснялась вопить, но в театре я была потрясена всеми вокруг меня, постоянно осознавала, что я не подхожу. Энн, Марианна, Генри, Фредерик (наша звезда) и поддержка в виде Паулы, Джоан, Валы и Петры были куда лучше меня.

И не все были такими милыми, как Энн. Фредерик был жесток ко мне и ко всем вокруг него. Он был относительно известным в Швеции своими мрачными образами (честно сказать, он напоминал обезьяну во фраке) и игрой на максимуме, и он не давал никому забыть это, особенно мне, оказавшейся ниже всех. Каждый раз, когда я делала ему грим перед выступлением, он спрашивал, вымыла ли я руки, и даже, когда я говорила, что да, он ворчал, что грязная уборщица не должна трогать его лицо.

Я хотела ударить его по лицу, но не сделала этого. Я сдерживала чувства и едкие слова. Со временем я увидела, что он действует всем на нервы. Он отказался от сцены поцелуя с Энн, потому что от нее пахло рыбой. Это было смешно, потому что все в Швеции так пахли.

Моя работа постепенно стала лучше, я привыкла. Я стала меньше нервничать, накладывая грим, а когда у нас стали появляться фантастические роли, и смогла проявить креатив в макияже. Клоуны, феи, ведьмы — я черпала облики из воображения. Одежда тоже стала интереснее, и я в свободное время быстро научилась шить. И вскоре я стала делать костюмы актерам и одежду себе. Так я смогла занять место прочнее.

Карьера прочно развивалась, а другие части моей жизни стали... странными.

Одной ночью я убирала после выступления. Вечер был утомительным, все шло не так. Фон на сцене отвалился во время представления, Паула упала и повредила лодыжку, пока танцевала, и ее заменила ученица Энн. Снаружи бушевала снежная буря, только половина театра была заполнена. Когда все закончили, они только хотели уйти домой. Я сказала Энн идти и не ждать меня. Она устала от выступлений пять дней подряд, а мне нужно было еще час убирать. Я сказала ей, что доеду на такси, порой в такую погоду стоило раскошелиться.

Я подметала пол между рядами сидений, когда слышала в театре смех. Сердце замерло,

и я слушала, склонив голову. Все ведь уши домой? Может, кто-то из актеров остался.

Я огляделась, но никого не увидела.

— Кто здесь? — спросила я. Выждала пару напряженных мгновений, а потом покачала головой и продолжила мести. Порой, когда я уставала, глаза и уши меня обманывали.

А потом я снова слышала смех, а за ним топот по дереву. Я посмотрела в сторону сцены и охнула.

На краю сцены сидел подросток, его длинные руки постукивали по боку.

Топ. Топ.

Топ-топ.

— Чем могу помочь? — крикнула я, прищурившись, чтобы разглядеть его.

Он не был актером, но мог быть зрителем, уснувшим на балконе. Он был худым и высоким, с копной рыжих волос и веснушчатым лицом. У него была широкая улыбка, будто он веселился, глядя, как я убираю.

Он не ответил, но я не собиралась теряться при виде кого-то на пару лет младше меня. Я крепко сжимала метлу, пока шла по ряду, медленно приближаясь к нему.

Я заметила, что в руках он держит яблоко. Красный цвет вспыхнул, он быстро крутил яблоко. У него были кожаные туфли, укороченные штаны и подтяжки поверх грязной белой рубашки. На голове была кепка как у разносчика газет. Это было стилем не нашего времени. Он выглядел так, словно вышел из приюта, и других вещей у него не было.

Он все улыбался мне. Это начинало меня беспокоить.

— Кто ты? — спросила я.

Он подбросил яблоко в воздух и поймал, спрыгнув со сцены. Я отпрянула на пару шагов, не желая подпускать его близко. Вблизи он был не таким высоким, как я думала, просто длинноногий, но мне было не по себе в обществе незнакомца.

— Якоб, — сказал он, протягивая руку. — Рад встрече.

Я смотрела на его руку, не зная, жать ее или нет. Я посмотрела в его глаза. Они были странного серого цвета, словно цвета не было совсем, только неразличимое кольцо. Серый перетекал в белки глаз, и это напоминало статую.

Я затерялась в этих странных глазах. Моя ладонь оказалась в его. Он дважды встряхнул мою руку и отпустил.

— Я... — сказала я и остановилась. Можно ли открывать свое имя?

— Ты Пиппа, — сказал он. Он улыбнулся и откусил большой кусок яблока.

— Откуда ты знаешь мое имя? — испуганно спросила я.

Он пожал плечами и огляделся.

— Я много знаю. Не лучшее качество, да?

Я все еще думала о своем имени, а потом я решила, что он издевается.

— Что поделать, — фыркнула я, крепче сжав метлу.

Он пожал плечами, откусил яблоко и прошел мимо меня к ряду, где я была до этого.

— Не буду задерживать, — бросил он через плечо.

Я поспешила за ним.

— Откуда ты? Как попал сюда?

Он поднял плечо, чтобы пожать им снова, но я ткнула его метлой в спину. Сильно.

— Ай, — закричал он и развернулся. Кусок яблока вылетел из его рта на пол у моих ног. Я не хотела убирать еще раз.

— Говори, как попал сюда, или я доложу полиции! — я взмахнула метлой перед ним,

как мечом.

— Я всегда здесь, Пиппа. Ты просто не наблюдательна. Витаешь в облаках.

Как это понимать?

Он прочитал смятение на моем лице и протянул руку, опуская метлу. Было в нем что-то чарующее, словно он околдовывал меня все сильнее.

— Я здесь, чтобы помочь тебе. И полицию знать не надо.

— Помочь? — ощущения были странными, как в одной из пьес, что мы ставили.

— Увидишь. Когда будешь готова.

Он вышел в фойе и за дверь. Порыв ветра со снегом ворвался в помещение, и дверь закрылась.

Я стояла там, опираясь на метлу, долгое время.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Якоб не выходил из моей головы еще пару дней. Он был прав, я все время витала в облаках, в этот раз из-за него. Я не могла понять его, кем он был и откуда пришел. Почему он был таким мутным? Что он имел в виду, когда сказал, что поможет мне?

Мои воспоминания о девочке в озере и той, которую порвали волки, кружились в голове, и потому я никому не рассказывала о Якобе. Я знала, что есть шанс, что это все в моей голове, что это предназначено только для меня. И я знала, что Якоб мог быть просто живым мальчишкой, который пришел с улицы в поисках тепла. Он мог быть кем угодно, и непонимание терзало меня.

После последнего выступления «Как важно быть серьезным» я снова увидела Якоба. Снег падал весь день, но вечером перестал. Энн ушла на свидание с новым ухажером, и я могла спокойно доехать домой на такси.

Закончив уборку, я заперла театр и укутала шею шарфом, готовясь к пути к машине. Повезло, что снег разогнал всех изгоев и бездомных, и я ощущала себя безопаснее.

Я спускалась с последней ступеньки на припорошенный снегом тротуар, когда мой ботинок поскользнулся. Я полетела вперед. Я знала, что сильно ударюсь о снег, но я надеялась, что он смягчит мне падение.

Я не ударились о землю. Рука появилась позади меня и схватила, поднимая на ноги.

Я охнула. Это был Якоб. Он улыбнулся мне как мальчишка и отступил.

— Ты чуть не упала.

— Откуда ты взялся? — возмутилась я. Мне было все равно, что он только что спас меня от падения, я знала, что, когда спускалась, вокруг не было ни души. Он никак не мог добежать до меня.

— Был неподалеку, — ответил он.

— Это не ответ, юноша, — сказала я, шагнув к нему. Я уже не боялась. — Откуда ты?

Он смотрел на меня пару секунд, искры гасли в глазах. А потом он пожал плечами в ответ своим мыслям и указал на место рядом с театром, между зданием и кустом, покрытым снегом.

— Из кустов? — опешила я.

— Нет, приглядишься, — сказал он.

Я прищурилась, не зная, о чем он. Он взял меня за руку и поднял, указывая на место.

— Видишь волны?

Я не знала, о чем он. Какие волны? Я видела здание, куст и снег.

А потом, словно мои глаза настроились, я увидела это. Волны. Воздух перед кустом мерцал, словно я смотрела на отражение на поверхности воды, покрытой рябью.

— Оттуда я пришел.

— Что это? — прошептала я, понимая, что не должна это видеть.

— Другая сторона.

Я отвела взгляд от гипнотизирующих волн и посмотрела на него. Его серые глаза сияли в свете желтого фонаря.

— Я могу пройти туда? — выдохнула я.

Он рассмеялся, отвернулся от меня и пошел по тротуару.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я побежала за ним.

— Я серьезно.

— Пиппа, — сказал он, и больше ничего.

— Кто ты? Откуда знаешь меня? — вопросы начинали сыпаться с моих губ.

— Я говорил тебе, я — Якоб. Я из Другой стороны. Из Тонкой вуали. И я знаю тебя, потому что следил за всей твоей жизнью, — он словно цитировал любимый комикс.

— Тонкая вуаль? — пролепетала я и застыла. Слова звучали знакомо, но я не знала, почему или как.

Он тоже замер, снег падал вокруг его худого тела. Ему, казалось, не было холодно.

— Ты замерзнешь, если мы не будем идти. Не переживай. Я уберегу тебя, пока ты не дойдешь до такси.

— Как?

Он пошел, и я последовала за ним, мои ботинки разбрасывали снег. Ноги начинали неметь.

— Что «как»?

— Как... все, — сказала я. — Что ты такое?

Он оглянулся через плечо и улыбнулся.

— Якоб. Внимательнее.

— Ты мертв?

— Не похоже.

— Когда ты родился.

— Давно.

— Я могу пойти в Тонкую вуаль?

Теперь остановился он. Он прижал ладони без перчаток к моим плечам и встряхнул меня. Его серые глаза вглядывались в мои. Было странно, что порой он выглядел как четырнадцатилетний, а в следующий миг — на миллион лет старше душой.

— Можешь, но не стоит.

— Что там?

— Другие как я. Но они не все такие, как я.

Я замерла и вытерла снежинки с лица.

— Призраки?

Он пошевелил губами, посмотрел вверх моей шапки.

— Как-то так, — он потянул меня за руку. — Идем, здесь опасно.

Я хотела уйти с холода, но я оглядела пустые улицы.

— Но там никого нет.

— Это тебе так кажется, — сказал он, свет фар вспыхнул в наших глазах. Якоб поднял руку, на миг я подумала, как глупо. Как машина могла увидеть его, если он был призраком? Но машина остановилась, это было такси. Дверь открылась, мужчина высунул голову:

— Простите, мисс, вам нужно куда-то проехать?

Я посмотрела на Якоба, он прошептал:

— Он меня не видит.

— Но...

— Не говори со мной, или он подумает, что ты — псих.

Я кивнула в потрясении и прошла в водителю.

— Д-да, пожалуйста, — сказала я. Водитель помахал мне залезать.

Я оглянулась на Якоба.

Он пропал.

* * *

После этого случая я долго не видела Якоба. Я не видела его, пока моя жизнь не приняла другой поворот. Я не видела его, пока не влюбилась.

Следующей весной, когда прохладный ветер принес тепло и прогнал снег, Фредерик сообщил, что уходит. Я знала, что Лисбет тревожилась, ведь, хоть он и доставлял проблемы, его имя привлекало людей. Все остальные радовались, и даже Лисбет призналась, что было бы хорошо найти свежую молодую кровь. Фредерик был лет на десять старше Энн, их пары на сцене смотрелись не очень.

Однажды я пришла на работу и попала на собрание работников. Лисбет принимала не очень известного актера по имени Людвиг Эрикссон. Я не была готова к такому виду.

Людвиг был высоким, больше 180 см, блестящими волосами медового цвета. Его кожа была гладкой, оттенок был чуть светлее волос. Его зубы сияли белизной, а глаза были красивыми и голубыми.

Я потеряла дар речи, смогла лишь глупо улыбнуться, когда он пожимал мне руку. От прикосновения его кожи я ощутила мурашки, казалось, что в комнате были только мы. Конечно, мы были окружены всеми из театра, и он должен был со всеми познакомиться. Звучит глупо, но я ощущала его внимание, даже когда он не смотрел на меня. Что-то произошло между нами, я не могла описать это.

Энн описала. Энн знала мужчин, она всегда была с разными. Некоторые могли называть ее «распутницей» за спиной, но я жила с ней, и я не видела, чтобы ее друзья оставались на ночь (хотя она порой приходила очень поздно). И было не важно, что Энн делала, пока она была счастлива, и я была рада поговорить о Людвиге, когда она упомянула его позже вечером. Я хотела, чтобы она оценила его.

— Ты ему нравишься, — сказала она с ухмылкой, устраивая на моей тарелке вареный картофель с укропом. Ужин был поздним, как обычно у нас. Дверь балкона была приоткрыта, оттуда проникал прохладный воздух, но мне было тепло. Бренди тоже помогал согреться.

Я покраснела. Не сдержалась.

— Кому? — спросила я застенчивее, чем собиралась.

— Ты знаешь кому. Луди.

Я вскинула бровь.

— Это его имя?

— Людвиг — кошмарное имя, — сказала она, жуя. — Так что Луди. Ты ему нравишься. Я видела, как он ловил твои взгляды.

Я отмахнулась, не желая надеяться. Я заметила, как он смотрел на меня вечером, и было не по себе, что она тоже заметила.

— Уверена, я просто кого-то ему напоминаю.

— Да. Красивую девушку. Остерегайся его.

Я встревожилась.

— Почему?

Она подмигнула.

— Можешь влюбиться, Пиппа.

Так и было. Я думала, что влюбилась в него, как только он пожал мне руку. Я все еще ощущаю это. Некоторая любовь не умирает, даже если умерла ты сама.

Я не была уверена в чувствах Луди. Наш первый раз вместе был полон нервов и моего смущения.

Это произошло после репетиции «Гамлета», актеры должны были репетировать в костюмах, так что я одевала их и делала легкий грим.

Я переживала, когда стучала в гримерку Луди. У них с Энн были свои, а остальные делили комнаты для мужчин и для женщин. Я бы предпочла гримировать его при людях, было страшно от мысли побыть с ним наедине, но выхода не было.

— Входите, — сказал он. Его голос был низким, его легко было слышно из-за двери. На табличке все еще значился Фредерик. Удивительно, что он не забрал табличку с собой, променяв нас на престижный театр.

Я глубоко вдохнула и убрала волосы за уши. Я обратила особое внимание на свое лицо этим утром, убедилась, что помада на месте, а не на половине губ, как обычно. Я знала, что выгляжу неплохо, что часто вызывала внимание юношей, но до этого не было причины выглядеть хорошо. Я опускала голову и работала, пока не встретила человека, заставившего переключить внимание на него.

Я открыла дверь и неловко замерла на пороге, пока Луди не развернулся в кресле. Он улыбнулся. Удивительно, как улыбка и прищур глаз могли действовать как волна. Я покраснела с головы до пят. О, я точно пропала.

— Пиппа, — тепло сказал он, глядя мне в глаза.

Я отвела взгляд, закрывая тихо дверь за собой, нервничая и пылая. От груди мог идти пар. Я смотрела на пол, чувствуя, как меня разглядывают под микроскопом. Я намеренно была в туфлях на ровной подошве, не желая добавлять себе рост, хотя он был и без того намного выше. Это не помешало мне пошатываться, как пьяной.

Я остановилась рядом с ним и посмотрела в зеркало напротив нас, озаренное лампочками. Было безопаснее смотреть на него так, а не напрямую.

Его лицо идеально вписывалось туда, обрамленное огнями. Мое бледное лицо с темными волосами смотрелось рядом ужасно. Он был отрадой для глаз. Он знал это, я видела это в том, как он поднимал подбородок, словно привык к восхищению.

— Итак, — начал он и улыбнулся, ничего больше не говоря.

Я знала, что нужно начинать говорить, хотя язык был связан.

— Я просто нанесу немного пудры на лицо, — сказала я, звуча глупо и молодо.

— Разве меня не нужно сперва одеть? — спросил он. — Зеленый камзол, наверное, будет хорошо смотреться с зелеными тенями для глаз?

— О, вы правы, — сказала я глупо, хотя он шутил. Я положила косметичку на стойку и прошла к стойкам, где оставила костюм в другой день. У меня были его мерки, но он впервые наденет костюм.

Обычно я не переживала из-за примерки костюма на мужчину (кроме Фредерика), но теперь мне было неудобно, я чувствовала себя не профессионалом. Я вдруг вспомнила, что он был мужчиной, а я — женщиной.

Луди не показывал ничего, кроме бодрости и очарования. Я глубоко вдохнула и вытащила его костюм принца Гамлета и принесла ему.

— Вот, — сказала я, протянув костюм. Он пристально посмотрел на одежду.

— Не сможешь мне? — я пыталась найти на его лице искренность, но не находила.

— Сколько вам лет? — спросила я.

Он, наконец, удивился.

— Двадцать пять. А что?

— Думаю, вы умеете одеваться сами.

Я вложила костюм в его руки и направилась к двери.

— Позовите меня, когда оденетесь, — сказала я и вышла в коридор, а потом закрыла за собой дверь.

Я выдохнула и встряхнула руками и ногами. Он уже влиял на меня. Но я показала ему, что поддаваться не собираюсь. Это была моя работа, я выполняла ее серьезно.

Это не помешало мне улыбаться, пока я не услышала его голос.

Он выглядел смешно в костюме. Он был весь зеленым. Бархатный камзол, брюки с высокой талией, рубашка. Даже остроносые туфли.

— Как тебе? — спросил он, глядя на себя с подозрением в зеркало.

— Вы похожи на дерево, — сорвалось с моих губ.

Я думала, он обидится. Если бы это был Фредерик, я бы выслушала многое, а потом он потребовал бы заменить меня на ту, что не будет сравнивать его с растением. Но Луди был не таким.

Он рассмеялся. Громко и спокойно. Открыто.

— Ты права, Пиппа. Я похож на дерево, — он покружился, чтобы мы оценили плащ. Он замер и указал на свое отражение. — Но какое дерево? Это самое важное. Каким деревом мог Гамлет быть... или не быть?

Я не сдержалась и рассмеялась.

— Вот в чем вопрос.

И все пошло проще. Даже хотя я ткнула ему в глаз кисточкой. Мне было стыдно. Но Луди сказал, что не расскажет Лисбет, что я пыталась ослепить его, если я соглашусь завтра сходить с ним на ужин.

Я точно согласилась.

Я не хочу долго описывать, ради вас. Знаю, вы точно не хотите слушать, что может творить влюбленная женщина. Но я хочу, чтобы вы поняли, что для меня сделал Луди, и почему наши отношения повлияли на всю мою жизнь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я беспокоилась весь следующий день. Я не была с мужчиной годами, часть меня боялась, что будет как со Ставой. Что я ничего не почувствую, и потому со мной что-то

будет не так.

Другая часть меня была взволнована, это был другой страх. А если я влюблюсь в него? А если он разобьет мне сердце? А если свидание пройдет плохо, и он больше не захочет меня видеть, но мне придется все время сталкиваться с ним на работе?

К счастью, Энн успокоила меня и проверила, чтобы я поела. Она одела меня в мое лучшее платье, которое я забрала из театра, и я все-таки уложила волосы и сделала макияж. Я хотела, чтобы мои длинные и блестящие волосы были распущенными, но она помогла завить их и подчеркнула мои скулы и глаза. Она сменила мою привычную красную помаду более привлекательным оттенком.

А потом дала пару советов, как быть леди. Пусть мужчина открывает двери. Смейся над его шутками. Не пускай слюни, глядя на него. Не издевайся над ним.

Думая, что я не смотрю, она сунула презерватив в мою сумочку. Я была потрясена ее поступком. Презервативы были для моряков и грязных проституток. Они не были для юных дам, как мы с Энн.

Я видела по ее глазам, что она просто хотела помешать мне забеременеть. Я как-то рассказала ей все, напившись коньяка. Я все еще умираю со стыда, но было хорошо, что хоть кто-то знал, через что я прошла. Энн заботилась обо мне, а потом она шепнула:

— Мужчина управляет свиданием, но не рассчитывай на него во всем.

Золотые слова.

Луди позвонил через пять минут, прерывая мою подготовку. Я выпила рюмку водки, надеясь расслабиться в спешке, и была вся на иголках, пока он шел к двери.

Он выглядел прекрасен, облаченный в темно-синий костюм, который выделял золото его волос.

— Дамы, — сказал он, снимая шляпу и кланяясь. — Я здесь за прекрасной Пиппой Линдстрём.

Что там водка, одно его присутствие опьяняло меня. Хорошо, что Энн надела на меня плащ и дала сумку, а потом довела меня до двери.

— Надеюсь, ты вернешься не очень поздно, — сказала Энн. Ее голос был строгим, но глаза были веселыми.

— По моим стандартам или по твоим?

Энн поджала губы.

— Подозреваю, они станут схожими.

Он подмигнул ей, радуясь ответом, и протянул мне руку. Я смогла послушаться, и мы вышли из квартиры. Я в последний раз оглянулась, но дверь была закрыта, я осталась Луди наедине, и меня ждал вечер. Не работа. Я была с ним не потому, что должна была. Я была с ним, потому что он этого хотел.

Снаружи ждала машина Луди. Она не была новой, но блестела, словно на ней был миллион пудов хрома. Она была цвета неба, привлекала взгляды во времена, когда легкомыслие порицали. Луди было все равно, и я села в машину, он сообщил мне, что купил ее после первого большого представления. Она стояла дорого, и ему пришлось спать в машине, он не сразу смог позволить себе снимать квартиру. Но он работал и заслужил машину, это был признак, что он воплощал мечту.

Такой была философия жизни Луди. Это восхищало, он брал то, что было его, и наслаждался хорошим. Позже я пойму, как это было эгоистично. Все были в долгу перед ним, для него не было никаких препятствий. Если он думал, что заслужил что-то, он шел к

этому, даже если по головам других.

Но это будет позже. А пока что я была очарована им, его взглядами и манерами. Он отвез меня в хороший ресторан с морепродуктами на одной из самых дорогих улиц, где я еще не бывала, потому что это вызвало бы зависть во мне. Он еще не был узнаваем, как Фредерик, но женщины пялились на него.

Они смотрели на меня, но, в отличие от девочек, бегающих за Ставой в школе, это были взрослые женщины с сердцами, полными ненависти и ревности. Я была их врагом, потому что шла с ним под руку, и хотя я выглядела неплохо, они вызывали странные чувства.

Луди старался создать у меня впечатление, что я одна в ресторане. Он задавал много вопросов обо мне, всегда смотрел на меня. О, он не был загадкой, он охотно отвечал на мои вопросы. Я узнала о его детстве (в Готланде), его семье (отец умер, когда он был маленьким, и он был близок с мамой и двумя младшими сестрами), о его любви к искусству (он танцевал, а потом стал актером). Ночь пролетела в вихре дыма, кофе и бренди. Разговор был простым, без усилий. Для первого свидания это было хорошо.

Уверена, вы не хотите знать, как продолжилась ночь, но скажу, что я была леди и оказалась дома не поздно даже по своим меркам. Я пылала внутри, ощущала огонь, которого никогда не было, но той ночью я слушала сердце, оно говорило, что нужно действовать медленно и осторожно.

Если бы только я слушалась дальше шепота сердца, он-то знал, что грядет. В следующий раз мы с Луди занялись любовью. Прямо в его гримерке, этот поглощающий темп удивлял и пугал меня. Мои страхи оказались напрасными, со мной все было в порядке. Я нашла того, с кем мне было суждено провести остаток жизни, и мое тело это подтверждало.

И мы начали наши страстные отношения. Сначала было просто. Мы не могли насытиться друг другом, уединялись при любом шансе. После этого мы выглядели потрепанно, и скоро разошелся слух, что мы — пара. Лисбет поговорила со мной, советовала держаться подальше от Луди, помнить о работе, но я была беспечной, глупой и не слушала. Что Лисбет знала о мужчинах? Я знала Луди, он был моим.

Но Лисбет была права. Луди был исполнителем, актером, и он не только привлекал внимание противоположного пола (взгляды, которые он получал на нашем первом свидании были пустяком, по сравнению с теми, какие он получал, пока цитировал Шекспира на сцене), а еще был заносчивым, эгоистичным и ненадежным. Он требовал время и внимание, но не только от меня, но ото всех. Он ревновал меня к каждому мужчине, заговорившему со мной, включая других актеров, но ему нравилось заигрывать с другими женщинами. Он мог быть и веселым, зависело от того, сколько он выпил и насколько хорошо выступил, а потом он становился циничным и злым.

Я не собиралась это терпеть. Несмотря на правила, которые озвучила мне Энн, я часто насмеялась над ним. Было сложно не делать это, когда он вел себя как ребенок. Результатом были ссоры по ночам, а потом мы снова оказывались в объятиях друг друга.

Все было такими перекатами, любовь и ненависть сменялись годами. Как бы мы ни трепали друг другу нервы, как бы ни ругались, как бы ни издевались друг на другом, это не заглушало всепоглощающую любовь, что я чувствовала к нему. Огонь ревел во мне, в моем сердце и моей душе. Я надеялась, что он чувствует то же самое, иначе почему бы Луди был рядом, если бы не любил меня так, как я его? Я была такой наивной и слепой, что даже не обдумывала другие варианты.

Я узнала причину лично судьбоносным летним днем между спектаклями. Ее знали

Ханной, она была новой ученицей Энн. Я убирала в театре, веря, что Луди ушел в кафе с Петрой и Лисбет, когда услышала шум из его гримерки.

Луди запер дверь. Но мое любопытство с тревогой вышибло дверь, когда я услышала внутри высокий женский смех.

То, что я увидела... не описать. Я не хочу думать об этом, мне все еще больно. И сердце пылает по сей день. Столько лет прошло, а я... в общем, я обнаружила Луди со спущенным штанами, и светловолосая Ханна обслуживала его.

Все дальше помнится смутно. Но я не убирала в его гримерке, а крушила ее, бросала стулья, вещи, косметику. Я постоянно била Луди по лицу, пока Ханна не попыталась вмешаться, и тогда я ударила ее по губе. Я была вне себя от ярости. Я пыталась дышать и держаться за убеждение, что на моей стороне была любовь. За секунду все рухнуло. Все, что было важным для меня, рухнул. Луди был моей жизнью, причиной, по которой билось мое сердце, по которой жила моя душа.

Жаль, но даже после того, как я узнала, что он был с Ханной и несколькими другими женщинами, он все еще продолжал быть для меня всем. Я была обречена со своей любовью.

Мне стало плохо после этого. Энн заботилась обо мне, когда могла, но ей нужно было ходить на работу, она не могла после всего этого пустить ту женщину на сцену. Энн злилась, как и я, так что поклялась превратить жизнь Луди и Ханн в ад.

Я так и не узнала, смогла ли она. О, Энн рассказывала мне, как она подставила подножку Ханне после репетиции, как открыто смеялась над Луди в одной из их сцен. Но я не видела это, ведь ушла оттуда. С чудесной многообещающей работы. О, это не было самой главной мечтой, до сцены я так и не добралась. Но у меня были деньги и надежда, и этого мне, черт возьми, хватало. Все было хорошо, но я влюбилась в эгоиста и все испортила.

Во второй раз в жизни меня разрушила любовь, но в этот раз виновата была моя любовь. Знаю, звучит это драматично. Но факты были. Луди был не единственным актером здесь. Я не была на сцене, но у меня были желания, у нас с ним были схожие черты. И виноваты в конце наших отношений были мы оба. Но это было ужасно.

Я оставила театр и жизнь, которая была упорядочена, так что мне нужно было найти другую работу. Я оставалась с Энн, потому что не было другого выбора: она была моей лучшей подругой, а еще давала жить без платы за квартиру, пока я не найду новое место.

Сначала я пыталась попасть в другие театры, даже если бы снова пришлось гримировать Фредерика, но это не принесло результатов. Время было послевоенным, с деньгами было туго. Предприятия закрывались, людей начинали отбирать придирчиво. Я нашла работу в кофейне недалеко от парома, раздавала вымечку и кофе пассажирам, направляющимся в Финляндию или Данию.

Работа была неблагодарной, но с чаевыми зарплата была больше, чем в театре, туристы часто сыпали мне оставшиеся кроны. Но, несмотря на стабильный доход, пустота в моем сердце оставалась.

Я работала там без радости несколько лет. Время тянется долго в юности, но сейчас я не смогу даже дня вспомнить из этого периода. Только вечер с Энн, когда она рассказывала про нового мужчину в своей жизни, когда мы сильно напились. Рабочие дни были размытыми, бесконечное море горячего кофе и безликих людей. Такая трата жизни. Жизнь — ценная штука, когда ты ее уже прожил.

А потом я встретила Карла. Он был добрым, нежным и милым. Карл был высоким, напоминал медведя. У Карла была темная борода и глаза, но он был самым веселым в

Швеции.

Карл был частым посетителем кафе, он по делам переправлялся на пароме в Тампер в Финляндии. Он сидел за стойкой и болтал со мной, щедро оставлял чаевые, а когда возвращался, рано утром или поздно вечером, он привозил мне в подарок игрушку мумитролля.

Событий толком не было, и я стала ждать визиты Карла. Я с каждым днем находила Карла все более привлекательным. Это не было обжигающим желанием, как с Луди, но и не было безразличием, как к брату, как со Ставой. Это было между, и это звучало неплохо.

Намерения Карла были чистыми и открытыми. Мы начали встречаться с осторожностью, о которой мне стоило помнить с Луди, вскоре мы стали счастливой парой. У Карла был свой бизнес, он поставлял икру в европейские страны, так что неплохо справлялся. Я ушла с работы, он заботился обо мне, и я переехала от Энн в его дом на окраине города. Потом мы поженились.

Свадьба была скромной церемонией в загсе. Энн была моей свидетельницей. Лисбет тоже была там, как и Петра. Со стороны Карла пришла его старшая сестра Лулу и несколько его друзей по работе и армии. Я была в простом белом платье, что подходило обстановке, а в медовый месяц мы неделю загорали на пляжах Испании.

Мы безумно пытались зачать ребенка. Я понимала, что карьера осталась мечтой, теперь у меня была надежная любовь, и было логично родить ребенка. Я была готова сильнее, чем когда-либо.

Но, хотя мы с Карлом уединялись как можно чаще, ничего не получалось. Мне было стыдно. Я боялась, что аборт повредил мое тело, и я винила себя каждый раз, когда месячные начинались.

Карл был хорошим и не винил меня. Он был старше больше, чем на десять лет, часто говорил, что, может, это он слишком стар, чтобы быть отцом. Я говорила ему, что это ерунда, хоть он и был старше, он все еще был здоровым мужчиной. Я знала, что дело во мне, в моих ужасных выборах молодости.

Мы пытались год за годом. Цель стала не так важна, мы стали взрослее и сосредоточились на других делах — я смотрела фильмы и шила юбки по последней моде, а он плавал на новом корабле вокруг архипелага. Но желание родить ребенка росло во мне, этот огонь не угасал.

Мне нужно было сдаться, оставить это, как я оставила многое в жизни. О, знаю, звучит эгоистично, когда жалуешься о жизни, о которой многие женщины мечтали. У меня был любящий муж, я его тоже любила. У меня не было работы, и я днями напролет была дома или на корабле. Но я была одинока, и одиночество вредило сильнее людей. Энн вышла замуж за режиссера и переехала в Гамбург в Германии, и я потеряла связь с другими друзьями. Только сестра Карла, Лулу, приходила ко мне и была приятной компанией, но слишком простой для меня. Часть меня все еще хотела драмы, которой было много в моей жизни.

Честно говоря, были дни, когда я молилась, чтобы увидеть Якоба снова. Встречи с ним прошли очень давно, но в нем было что-то разбойничье, и мне было печально думать, что это тоже закончилось.

В 1959, когда мне было 34. мое прошлое вернулось ко мне. Но это был не Якоб. Сперва.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я брела по рынку у пристани, искала свежие креветки для ужина, когда меня кто-то окликнул по имени. Голос был мужским, насыщенным, но полным неуверенности.

Я сразу поняла, чей он. Волоски на руках встали дыбом, жар растекся внутри, сердце пропустило удар и затрепетало.

И хотя я примерзла к земле, я развернулась на месте и увидела Луди среди покупателей.

Ему было под сорок, он выглядел еще красивее, чем в юности. Его волосы стали чуть тоньше и меньше блестели, но все еще были цвета золота и меда, а его взгляд был пронзительным и расчетливым.

Я не знала, что делать, что сказать. Предательство и боль вернулись, словно это было вчера. Часть меня хотела обнять его, радоваться встрече со старым другом. Другая часть хотела взять рыбу с прилавка и бить его, пока он не убежит в воду и не утонет.

Луди не сильно тревожила моя реакция. Как только он увидел мое лицо, он помахал рукой, его губы приоткрылись, показывая зубы.

Я хотела бы сказать вам, что послала Луди в ад, что он заслуживал только этого, но я этого не сделала. Я была глупой. Слабой женщиной.

Я скромно помахала, через пару минут мы уже ушли с рынка в ближайший парк, солнце блестело на его волосах и зданиях, его улыбка согревала мое сердце.

— Слушай, Пиппа, — сказал он, взяв меня за руку, устраиваясь на скамейке рядом со мной. — Я был ужасным глупцом.

Я слабо улыбнулась, но не спорила.

— Да. И я была такой.

— Нет, дорогая моя, — сказал он, потянувшись к моей щеке. — Ты была прекрасна. Ты была любовью моей жизни, а я бросил тебя. Я был юным, глупым, не в себе. Я не знал, как справиться с чувствами или славой. Я уже несколько лет жалею о том, что сделал с тобой. Я не знал, будет ли у меня шанс искупить вину.

— Прошло почти пятнадцать лет, — сказала я, пытаясь вырвать руку из его хватки. — Много изменилось с тех пор. Ты не можешь винить прошлого себя.

— Могу и виню, — сказал он. Он впивался в мои глаза, и я была потрясена тому, что они почти не изменились. Если глаза были окнами души, но его отражали душу эгоистичного мальчишки, которого я знала. Он все еще был таким?

— Теперь я замужем, — я показала ему кольцо.

— Ты счастлива?

Я вдохнула сквозь зубы. Он так смело спрашивал о том, о чем я не хотела думать.

— Думаю, да, — ответила я и посмотрела на свои ноги.

— Ты счастливо живешь?

Я закусила губу и медленно покачала головой. Я не была счастлива.

— Я тоже, — сказал он. — Я не был счастлив, после того как ранил тебя. После того, как потерял тебя. Я хочу снова ощутить это счастье. Ты мне нужна.

Он продолжал так какое-то время, говорил обещания, признавался в любви и прочем. Если бы я была сильнее, была хорошей, я сказала бы ему забыть это. Я должна была оставить его в парке и отправиться домой к любящему мужу, продолжать эту жизнь.

Но я не сделала этого, и, уверена, вы поняли, что было дальше.

Я не поехала домой к Карлу. Я отправилась с Луди в отель, где он оставался (всего пару дней назад он вернулся из Англии, где выступал), и мы страстно занялись любовью, пока

мне не пришлось идти домой.

Но это было не одну ночь. Это длилось целый год. Я часто сбегала из дому, притворяясь, что хожу в магазин тканей или на встречу с друзьями, а сама встречалась с Луди в отеле, и он снова нашел работу в театре в городе и дом. Я жила двумя жизнями, и, хотя в объятиях Луди я была счастливее, я ощущала себя несчастной в обеих жизнях. Я не была честной. Я не знала, живы ли еще мои родители. Но если не были, они точно крутились в могилах.

Удивительно, что делали с человеком пятнадцать лет. Хотя он все еще был вспыльчивым эгоистом, я ощущала в нем немного спокойствия, чего раньше не было.

— Ты невероятна, ты знаешь это, — сказал он мне одной из ночей, когда мы лежали на простынях его кровати.

Я покраснела, он все еще мог вызывать мой румянец, трепет сердца, и я легонько стукнула его рукой.

— О, перестань.

— Я серьезно, — продолжил он, убирая волосы с моего лица. — Ты такая. Я никогда такой не встречал.

Я не знала, о чем он говорит. Я была обычной.

— В тебе есть... нечто. Я чувствовал все время это, словно ты отдаешь энергию. Эту... печаль.

Я резко посмотрела на него. Печаль?

— Словно в тебе есть много жизни и потенциала внутри, некая великая цель, которую ты еще не исполнила. Но ты не знаешь, что это, как до этого добраться. И это остается в голубом пруду. Я думаю о голубом, когда думаю о тебе, Пиппа. Голубой, прохладный, спокойный, как море. Я успокаиваюсь рядом с тобой.

— И что за цель? — тихо спросила я. Было глупо смеяться над его словами. Что я могла предложить миру в 35? Я не была актрисой, у меня не было детей, так что я могла?

— Думаю, ты можешь спасти людей, — сказал он. Его глаза вспыхнули, словно с жалостью. — Начни с меня.

В ту ночь я впервые кричала во время занятий любовью. Моя душа словно взорвалась, я плакала от любви и жизни.

Через неделю я выходила из библиотеки со стопкой книг о макияже и моде, чувствуя себя удивительно вдохновленной впервые за годы. Луди уехал в Готланд к сестре, и я находила себе занятия, ожидая его возвращения. Стояла зима, в три часа дня стемнело, и я была осторожна, покидая библиотеку и направляясь к станции трамвая.

Потому, когда я ощутила, как кто-то идет за мной, я не обернулась. Я смотрела вперед, поднимая голову высоко. На улице было несколько человек, но они сжимались от холода, было темно. Я ощущала паранойю, но это мне даже подходило сейчас.

Я шла, но ощущение не покидало меня, и я развернулась и посмотрела недовольно на того, кто преследовал меня.

Я увидела трепет воздуха, а потом на моих глазах появился Якоб.

Книги упали у моих ног, разлетелся снег.

Якоб был в нескольких шагах и пристально смотрел на меня. Он выглядел так же, как до этого, все еще был подростком, но выражение его лица изменилось. Его глаза были холодными, тень улыбки была напряженной.

— Якоб, — сказала я. Я огляделась, мог ли хоть кто-то заметить, что я говорю с собой.

— За мной, мисс Линдстрём, — тихо приказал он. Он прошел мимо меня и направился в сторону ближайшего переулка. Я подняла книги и пошла за ним, понимая, что выбора нет. Я боялась, но и была заинтригована, так что послушалась его.

Мы вошли в переулок. Пахло мочой и снегом. Было грязно и узко, был тупик, и снежинки падали с неба, пропадая в темноте. Ржавый пожарный ход висел в нескольких футах над землей.

Это место было идеальным для потери жизни. Я смотрела на Якоба. Я не думала, что он ранит меня, но мрачное выражение его лица не рассеивало мои страхи.

Он заговорил не сразу, он остановился посередине переулка и скользнул взглядом по кирпичам, склонив голову, словно он слушал. Я не перебивала его, молчала и облизывала в тревоге пересохшие губы.

Наконец, он посмотрел на меня, его глазам вернулся странный блеск.

— Прости, что не пришел раньше.

Я не ожидала таких слов.

— Я...

— У меня мало времени, Пиппа, — сказал он. Он взял меня за руки, и я была потрясена силе и теплоте его прикосновения. Он посмотрел за мое плечо и кивнул. Я повернула голову и увидела, как в конце переулка трепетал воздух, там был вход в Тонкую вуаль. — Мне скоро нужно возвращаться, сейчас тебя туда брать опасно. Не в твоём состоянии.

— Состоянии? — спросила я, сердце замедлило биение.

Он сжал мои руки, глядя на меня серьезно и мрачно.

— Пиппа, ты беременна, — сказал он. Его слова звучали холоднее льда, и я знала, что, хоть это и было невозможно, это была правда.

Я едва могла говорить, губы беззвучно двигались. Я была беременна. Скорее всего, от Луди, моей истинной любви. Я рожу ребенка. Его ребенка. Я должна была радоваться, но, хотя сердце билось быстрее, выражение лица Якоба заставило меня замереть, подавить расцветающие эмоции.

— Что не так? — спросила я. — Ты не должен радоваться за меня?

Он улыбнулся, у глаз появились морщинки, но не от радости. Он выглядел старше четырнадцати, и я подозревала, что меня ждут плохие новости.

— Ты — особенная, — сказал Якоб, я вспомнила слова Луди в постели. — Из-за этого ты рискуешь, другие хотят тебя использовать.

Я плотнее укуталась в плащ, нетерпеливо топнула ногой.

— Я не видела тебя шестнадцать лет. И в тот раз ты говорил мне о Другой стороне. Ты говорил, что ты не живой. Я не знаю, кто ты или что ты. Прошу, не думай, что в этот раз ты уйдешь, не объяснив мне всего. Я это заслужила.

— На это уйдет время, а у нас его нет.

— Зато ты успел сказать мне, что я беременна! — сказала я, погрозив пальцем в перчатке. — А теперь расскажи, что во мне особенного, почему я рискую. Какая разница, беременна ли я? Я этого всегда хотела.

Якоб прижал ладонь к моему животу и побелел.

— Ребенок не в порядке.

Мое сердце ёкнуло. Все закончится, не начавшись?

— О чем ты?

— От него нужно избавиться.

Я была потрясена его жестокими словами, искала ответ на его лице. Он не шутил, его глаза блестели как сталь, его лицо было лишено цвета.

— Я не стану это делать, — тихо сказала я, сделав взгляд таким же напряженным, как его.

— Прощу, — сказал он, его глаза быстро смотрели на Тонкую вуаль и обратно. — Я не хочу показывать, просто поверь мне.

— Если ты думаешь, что я убью ребенка, потому что ты так сказал, то ты чокнутый.

— Это ты станешь такой, — прошипел он. — Или мертвой!

Он выдохнул, его дыхание вырвалось паром в холодном воздухе. Он схватил меня за руку.

— Идем.

Он повел меня к мерцающему воздуху. Паника поднялась к моему горлу, я уперлась ногами в землю. Якоб потянул меня.

— Ты сказал, что туда опасно идти, — сказала я. Я начинала дрожать от холода, страха и неизвестности.

— Да, — сказал он, сжав мою руку крепче. — Но ты не даешь мне выбора. Там я смогу объяснить все лучше, чем здесь. Те, кто ищет тебя, уже на этой стороне.

Во второй раз за ночь я лишилась дара речь. Я боялась. Но Якоб потянул меня за руку, и я позволила ему вести меня.

Вблизи это было невероятно. Я словно смотрела на холодный пруд, а видела не дно, а улицу заснеженного Стокгольма, но как сквозь серую пелену. Воздух постоянно двигался, мерцал.

— Что со мной будет? — прошептала я, очарованная видом перед собой.

— Надеюсь, ничего, — сказал Якоб. — Но, если хочешь всю правду, придется идти со мной.

Он прошел в воздух, который заблестел и растянулся вокруг него. Он теперь был полупрозрачным, словно вот-вот исчезнет. Он протянул руку ко мне, в мой мир, и стал плотным. Снег собирался на его рукаве, он тянулся к моей руке. Я осторожно обхватила его ладонь, и меня утянуло к мерцающему давлению.

Я заметила сразу, что не было звуков, запаха, все вокруг было мутным. Потом глаза привыкли, вернулся звук, ноздри уловили слабый запах гари. Казалось, я была на той же улице, только она была пустой, снег перестал падать и лежал ровным покрывалом у моих ног. Цвета были тусклыми.

Якоб кашлянул, я развернулась и увидела его за собой. Его рыжие волосы теперь были тускло-серыми. Глаза остались прежними.

— Что думаешь? — спросил он, я увидела в нем надежду мальчика. Он хотел, чтобы мне понравилось это место, его дом.

— Это место другое, — просто сказала я и огляделась. Оно было другим. Как незаселенная версия моего мира.

— Мы на другом слое, — сказал он и подошел к стопкам коробок у входа в переулок. Он сел на одну и похлопал по другой.

— Садись, и я расскажу тебе все, что нужно. И то, что ты бы не хотела слышать.

Я послушалась, заметив, что мои ноги не оставляют следы на снеге, пока я шла, а воздух не был прохладным.

— Хорошо, — сказала я. Я устроилась удобнее на ящике, повернувшись к Якобу, и

ждала, когда он продолжит.

— Это место — Темная вуаль, Другая сторона, Черный свет солнца — это параллельный мир мертвых. Это место перехода, куда души ступают перед тем, как попадут вниз или в те места, которые я еще не видел. Меня зовут Якоб, но так было не всегда. Это просто мое имя. Всех проводников так зовут. Мы помогаем душам проходить туда, куда им нужно, некоторые из нас стражи. Мы охраняем это место от монстров и особенных людей, как ты.

Этого было слишком много для моего необразованного мозга.

— Вы охраняете это место от... таких как я? Монстров? Как...

Он понизил голос.

— Монстры существуют, Пиппа. Ты видела их, когда они переходили. Порой они выглядят как обычные люди. Порой они демоны, какими и являются. Или безликие тени. Они приходят из преисподней, места крови и печали. Тонкая вуаль для них самая близкая точка прорыва. Они ищут души, чтобы захватить их, чтобы заполучить тела, поглотить жизни. Они очень-очень опасны. И они охотятся за такими, как ты. Потому такие люди, как ты, угроза для этого места.

— Ох. Ты знаешь, что я бы не пришла сюда, ты меня притащил. И я не прихожу сюда, когда мне пожелается.

— Ты можешь, милая мисс Линдстрём. Ты можешь приходить сюда в любое время, теперь ты знаешь. И, если ты очень сильна, что я и подозреваю, ты можешь создавать двери, когда пожелаешь.

Я была достаточно сильной, чтобы создавать двери в другой мир? Это было слишком невероятно, хотя я сидела в другом измерении с проводником духов.

— И они хотят меня...

— Они хотят тебя из-за твоей силы. Она привлекает их. Ты привлекаешь и других существ, не только монстров и демонов. Ты привлекаешь призраков, духов, которые остаются здесь, потому что не могут идти дальше. Они видят мир, который оставили, и ходят там, другие не видят их. Кроме тебя. Ты можешь представить вечность одиночества, когда их никто не видит, а потом находится тот, кто их видит и слышит?

О, мне не нужно было представлять. Я много раз это испытывала.

— Почему здесь я в безопасности? Почему мне опасно на другой стороне?

Он огляделся.

— Стражи отгоняют демонов. Они не могут ничего поделаться с духами, которые застряли здесь и в твоём мире, но демонов они могут контролировать. Однако, если те проскользнут в другой мир, а это случается, они могут разрушать. Стражи не могут приходить в другой мир. Даже проводникам не стоит.

— У тебя будут проблемы из-за того, что ты приходишь ко мне? — спросила я, не зная, кто был выше Якоба здесь.

Он пожал плечами.

— Возможно. Но я тихий. Этот мир огромен, как твой, и они не могут быть всюду сразу.

— А в моём мире?

Он пожевал губу и заговорил:

— В твоём мире... попасться проще. Отсюда можно призвать двери или окна в любое место. Так я мог наблюдать за тобой в детстве и до этих пор. Когда я в твоём мире — мире живых — я знаю, что в любой миг один из стражей, проводников или даже демонов могут

понять, где я, что я говорю. Меня словно привязывает в Другой стороне поводок.

Я потеряла виски, ощущая давление на них.

— Тебе больно, — сказал он и начал подниматься.

— Нет, нет, — я помахала рукой. — Просто всего слишком много.

— Потому никто не должен знать. Всегда хватало осознания особенности, и не нужно было знать все, приходить сюда. Потому я пытался скрыть это от тебя. Потому нам не дают рассказывать.

Я зажала переносицу, боль немного утихла.

— Ты сказал, что есть другие, как я... видящие призраков. Они тоже в опасности?

Он кивнул.

— Некоторые больше других. У тебя есть эта способность, свет в тебе обещает силу, какая есть у некоторых. Силу, что теперь будет только ухудшаться.

Я пронзила его взглядом.

— Что? Почему?

Он тревожно сжал кепку и молча. Я сжала его ногу. Сильно.

— Это из-за ребенка? — спросила я дрожащим голосом.

Он судорожно вдохнул и кивнул.

— Я не буду мешать ребенку родиться. Я вижу, что ты этого не допустишь. Но я скажу тебе, что этот ребенок принесет боль в твою жизнь и другие жизни.

— Как можно говорить такое о не рожденном ребенке! — завизжала я, слова вылетали изо рта с яростью. — О моем ребенке!

Якоб был непоколебим.

— У любой женщины с жизнью внутри есть великая сила. У тебя уже есть сила, которую другие хотят, страстно желают даже. Ребенок будет расти внутри тебя, и ты станешь более восприимчивой к... другим силам. Ты сильно рискуешь. И ребенок тоже. Если она сможет появиться на свет без проблем, без темного духа в ней, ты можешь обречь ее на такую жизнь, как твоя. Жизнь, что закончится болью.

Он говорил мне ужасные вещи, и моя голова плохо работала. Я уловила, что он сказал, что это она. У меня была девочка.

— Да, это девочка, — признал Якоб, явно читая мои мысли. — И, может, ты не передашь ей свои силы. Может, они проявятся через поколение. Но ты обречешь кого-то на такую жизнь, как твоя.

Я ощущала слабость и была рада, что сижу. Я тряхнула головой, слезы подступали к уставшим глазам.

— Моя жизнь не так плоха. У меня есть Луди. Ребенок. Есть дом и деньги. Есть то, чего я хотела.

Я не знала, пытаюсь убедить Якоба или себя.

— Но так не будет вечно, Пиппа, и ты это знаешь, — мягко сказал он, словно хотел смягчить удар. — Луди простой человек.

— Он не простой, — рявкнула я.

— Но он не такой, как ты.

— И ты говоришь, что я не могу любить его, потому что у него нет этой гадкой силы, этой болезни?

— Я не говорю так. Ты продолжишь любить его, несмотря ни на что. Но он не как ты, он не поймет настоящую тебя — эту тебя — и когда я будущем станет сложно, он сбежит.

Он всегда убегает.

Я смотрела на свои перчатки, рассеянно трепала их. Я чувствовала себя пристыжено.

— Он тоже думает, что я — особенная.

— Конечно. Но Луди — простой человек. Пиппа. Он восприимчив, сильно ощущает свои чувства, он открытый, может ощущать твою энергию. Это привлекает его, как всех других живых и неживых существ. Но его сердце не тянется к твоему так, как твое к его. Редкие люди с такими способностями могут найти друг друга. Ты поймешь, когда это произойдет. Это как магнит, чувство, что ты нашел свою половинку, которая отдает и принимает так же, как ты.

— Ты хочешь сказать, что я обречена быть одинокой, пока не найду такого, как я?

— Не могу сказать, — ответил он.

Я уставилась на него.

— Ты, похоже, хорошо знаешь мое будущее. Я так понимаю, что в ближайшее время магнит я не почувствую, — он молчал, и я продолжила. — И моя дочь. Что ее ждет, раз все звучит так плохо?

— Не знаю, — сказал он. — В моем видении у тебя не было дочери.

— Потому что ты мне сказал?

— Потому что это не от твоего мужа. Это ребенок другого мужчины, который оставит тебя, как только услышит о твоей беременности. Потому что это опасно, а ты не в лучшем состоянии и стареешь.

Он нервничал. Я была не такой и старой.

— Зачем ты все это мне рассказываешь, Якоб? Почему просто не оставишь меня? Тебе не нужно было приходить. Ты мог оставаться в стороне, как все это время. Я бы этого не знала. Зачем ты это сделал?

Он выглядел смущенно. Он слез с ящика и пошел прочь.

— Потому что я эгоист. Я одинок.

Я не ожидала честности. Он остановился и робко посмотрел на меня.

— Это так. Наверное, потому нам не дают так общаться. Ты привлекаешь меня, как и всех остальных. Мне нравится наблюдать за тобой. Говорить с тобой. И я подозреваю, что теперь это будет делать проще.

Я прищурилась.

— Как это?

Он поднял ладони к небу.

— Ты видела это место, ты сможешь приходить сюда, когда захочешь. Ты можешь видеть меня или отказаться от этого. Ты выйдешь отсюда и ощутишь перемены. Ты заметишь в себе силы, каких раньше не замечала.

— Например?

Он подошел ко мне, протянул руку.

— Я не знаю, Пиппа. Но я уверен, что ты поймешь, как только выйдешь отсюда.

Я обхватила его ладонь и позволила ему поднять меня.

— Ты сказала, что, выбрав ребенка, я выберу другой путь, не тот, что ты видел, — сказала я. — Как ты можешь знать, что я обречена? Ты же не знаешь? Я могу найти кого-то как я. Луди может остаться со мной. Я могу развестись с Карлом, может, мы с Луди поженимся и будем жить чудесно. Ты не знаешь этого.

Он слабо улыбнулся.

— Надеюсь, я ошибаюсь, Пиппа.

Он поцеловал мою ладонь, а потом указал на темнеющий переулок.

— Посмотрим, что ты уже умеешь. Сосредоточься на том воздухе, той точке, представь, как открывается дверь. Пожелай ей появиться.

Я смотрела на серый неподвижный воздух в переулке, пыталась сосредоточиться на пустоте там. Я думала о ряби, о том, как пройду в портал, в дверь, и попаду в цветной мир людей и жизни.

Прошла пара секунд тишины и сосредоточенности, и я поняла, что получилось. Там был выход из Тонкой вуали. Путь в мой мир.

Я посмотрела на Якоба.

— Ты со мной?

Он покачал головой.

— Я не хочу испытывать везение. Но мы скоро увидимся.

— В любое время? — спросила я.

Он в тревоге сжал губы.

— Я сообщу, ладно?

Он звучал тревожно, словно что-то мне не рассказал, но я устала от этой информации. Даже если секреты остались, мне было все равно.

Мне хватало и этих знаний. Я была беременна.

Помахав, я задержала в предосторожности дыхание и шагнула в мерцающий воздух, пока не оказалась окружена холодом, снегом, выхлопными газами и цветными книгами у моих ног.

Я развернулась и увидела, как машина проезжает мимо переулка. И все.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Якоб оказался прав во всем, о чем меня предупреждал. Началось с усиления способностей, переменах во мне. До визита на Другую сторону я смутно ощущала мир вокруг себя. О, я уделяла внимание, но не столько, сколько теперь, ведь я видела призраков всюду. Но, может, это не мои глаза открылись, а я просто отдавала им больше энергии, чем раньше.

Не важно. Призраки были там, где их не было раньше. Это было не как с мальчиком в классе или утонувшей девочкой, люди приходили постоянно. Они не приближались и не говорили со мной, но наблюдали за мной. Они всегда следили за мной.

Вы понимаете, как от этого нервничаешь. Конечно, это пошатнуло мое психическое состояние. И снова Якоб угадал.

Но я забегаю вперед, мы и без того знаем, чем все закончится. После визита на Другую сторону я начала видеть призраков, но и появилось нечто странное... Не знаю, как это объяснить. Кинетическая способность? Порой я могла двигать предметы эмоциями. Однажды, после сильной ссоры с Луди, я собиралась бить тарелки на кухне. Я была ужасно злой. И в следующий миг сервиз из хорошего китайского фарфора полетел на пол. Сначала действия были неуправляемыми, но с годами я начала овладевать этими вспышками силы. Они все еще были непредсказуемыми, когда я была на взводе, но в спокойном состоянии я могла передвигать мелкие предметы, например, двигать стулья, заставляя книги летать. Способность была не из полезных, но была моей.

Конечно, другие вещи, о которых говорил Якоб, сильнее виляли на жизнь. Я могла справиться с призраками и гремящими сковородками, но я не могла справиться с Луди, который портил нашу совместную жизнь.

Знаю, не стоило удивляться, но часть меня хотела доказать, что Якоб ошибся, я отчаянно этого хотела. Я хотела, чтобы Луди любил меня так же, как я его, но его сердце не было магнитом. Когда я сказала Луди, что я беременна и сохраню ребенка, он отстранится от меня. Он говорил, что будет поддерживать меня, приходить, ведь я все равно буду с Карлом и буду растить ребенка с ним. Но я сказала Луди, что хочу признаться в наших отношениях и попросить милого Карла о разводе, он запаниковал. Луди любил меня, но без обязательств, что подходило его стилю жизни.

Когда я была на седьмом месяце, Луди прислал мне письмо. Я жутко плакала, читая его за столом на кухне, радуясь только, что Карла не было дома. Луди написал, что нашел работу в популярном месте в Нью-Йорке, куда и собирался уехать. Прочитав письмо, я поняла, что он уже там. Он написал в конце, что всегда будет думать обо мне и ребенке, но говорил, что поступал правильно. Он будет зарабатывать деньги, прославится и вернется к нам когда-нибудь.

Ясное дело, этот день не наступил.

Я не сошла с ума после второго расставания только от того, что ждала рождения малышки. Я решила назвать ее Ингрид, в честь матери Карла. Хоть это я могла, учитывая, что ребенок не был его.

Подозревал ли Карл? Я подозревала, что да. Он должен был понять, что у меня интрижка. Я была довольно беспечной, и, когда была с Луди, замечала, что Карл едва может смотреть мне в глаза. Конечно, когда родилась Ингрид, был новый знак: она была со светлыми волосами и голубыми глазами, как у Луди. Она была прекрасной, но не была похожа на Карла.

Но Карл, милый Карл, ничего не сказал мне и любил Ингрид, как родную. Когда он был дома, он старался проводить с ней как можно больше времени.

Но в семье появился еще один рот, а икра уже была не той, особенно из-за открытия такой компании, как Икея, и Карл занялся другим делом (морскими инструментами), почти все время проводил на работе. Он жалел, что редко бывает рядом, говорил, что мы можем нанять няню, но я не хотела этого. У меня была только Ингрид, и я хотела провести с ней каждую минуту, делая для нее все, что могла.

О, я так сильно ее любила. Она была такой красивой, что люди на улицах замирали, чтобы посмотреть на нее. Я любовалась ее большими сапфировыми глазами, идеальным носом, лицом в форме сердечка и высокими скулами. Ее волосы были светлыми, прямыми, довольно густыми и блестящими. Она была потрясающей, как ее отец, и я наряжала ее в платья, которые шила сама.

Ингрид была красавицей, еще и умной. Но что-то в ней выбивалось. Я немного боялась ее. Это было необъяснимо, но порой Ингрид смотрела на меня, даже в четыре года, и я ощущала... осуждение. Она словно смотрела на меня свысока, на свою мать. Порой мне казалось, что она смотрит сквозь меня, словно я была призраком.

Порой я лежала в кровати по ночам и думала, почему не видела в ее глазах любовь. Ингрид нравилось другое. Она любила моду, это она явно переняла у меня. Ей нравилось сидеть на колене отца, делая вид, что она катается на пони. У нее были друзья, она смеялась из-за мальчиков и от мультяшек. Но со мной она словно выключалась. Улыбки пропадали,

смех прекращался. О, она была вежливой, я ее так воспитала, и она могла говорить со мной о своем дне, рассказывать разное. Но ей не хватало кое-чего важного. Она упускала связь между матерью и дочерью.

Из-за этого я часто задумывалась, что сделала не так. Я подумывала сходить в Тонкую вуаль и узнать у Якоба, что он знал. Беременность прошла хорошо, Ингрид вела себя нормально со всеми, кроме меня. Я не видела опасность, демонов или монстров, но означало ли это, что они ее не тронули? Может, она была проклята никогда не любить меня?

Может, просто меня не хотелось любить. Я не узнала. Я просто признала, что это так. Некоторые девочки не сближались с мамами, так и было у нас с Ингрид.

Она подросла, стала юной леди, и я хотела, чтобы у нас было что-то общее.

Когда ей было одиннадцать, в один из дней мы шли по людной улице и грелись на солнышке. Я баловала Ингрид, покупала ей все, что она просила. В этот день она хотела украшения на волосы, потому что хотела впечатлить мальчика в классе.

Я послушалась, и, когда мы выходили из магазина, я захотела ее проверить.

— Ингрид, — сказала я и указала на улицу, где старик прислонился к витрине. Его глаза были без зрачков, он рассеянно крутил карманные часы. — Видишь того мужчину?

Она посмотрела, шурясь, а потом покачала головой.

— Какого мужчину?

Сердце ёкнуло.

— Мужчину с карманными часами у витрины.

Она странно посмотрела на меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мама, ты пьяна?

— Ингрид, — возмутилась я. — Конечно, нет.

— Но там никого нет, — заявила она. — Ты пьяна или сошла с ума.

Я прищурилась, глядя то на нее, то на мужчину. Было глупо проверять свою теорию. Конечно, он там был, но он был мертв. Ингрид не видела его. Она не была особенной, как я.

Мне стало лучше, но было и одиноко.

— Забудь, — сказала я ей и повела по улице.

— Ты часто пьяная и сумасшедшая, — сказала она певучим голосом.

Я застыла, задержав дыхание, опустила ладони на ее хрупкие плечи и развернула лицом к себе.

— Почему ты так говоришь? — с тревогой спросила я, склонившись, чтобы быть на ее уровне.

Она закатила глаза, это меня разозлило.

— Потому что это так. Я все время слышу, как ты прогоняешь людей, ведешь себя так, словно тебя кто-то преследует. Но там никого и никогда нет.

На моих щеках выступил румянец, я выпрямилась.

— Не ври, кроха.

— Я не вру! — надулась она. — Ты меня пугаешь, мама, и всегда пугала. Ты видишь то, чего нет. Ты ведешь себя как люди в психушках. Может, тебя придется запереть однажды.

Слышать эти слова из ее рта было ужасно больно. Она говорила их с таким ядом, такой ненавистью. Я не знала, что сделала не так, чем заслужила такое отношение от той, которую любила.

— Ты так не сделаешь, Ингрид, — прошептала я, поправляя свое платье. — Ты

полюбишь меня, как я люблю тебя.

— Ты слишком сильно меня любишь, — тихо сказала она. Это меня удивило. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но ее глаза загорелись при виде другого магазина одежды. — О-о-о, я должна попасть туда! Я видела, какое платье у Эрики, мне нужно лучше.

Она поспешила в магазин, а я осталась на улице. Я изо всех сил старалась не рыдать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Хоть от дочери такое было больно слышать, она была права. Я проигрывала. Призраки становились настойчивее, и они уже не наблюдали за мной, а ходили за мной. Говорили за мной. Касались.

Я старалась не обращать внимания, но от этого часто становилось только хуже. Старушка-азиатка со связанными ногами появилась, пока я была в ванне, и она начинала сбрасывать с полок мои вещи, швырять ими в меня. Я кричала и слышала, как Ингрид просит меня заткнуться, а Карл стучит в дверь, требуя сказать, что происходит.

Порой приходил мальчик пяти или шести лет, половина его лица была снесена. Он появлялся передо мной утром, пока я пила кофе, часто сидел на стуле напротив меня и скулил о том, что его брат знал, где их отец прячет пистолет, и хотел поиграть.

Как-то ко мне явился мужчина с грязными волосами и в узких брюках. От него пахло морем, у него были угольно-черные глаза и ледяные пальцы, которые лезли под мою юбку, пока я переправлялась на пароме к Аландским островам. Я с трудом держала себя в руках и не кричала, но даже так я ощущала, что люди вокруг меня встревожены.

Карл был обеспокоен и настаивал, что мне нужно к врачу. Я говорила ему, что я в порядке, что это только стресс и то, что я старая мать, а не молодая. Ингрид использовала происходящее как причину еще сильнее отдалиться от меня.

В пятнадцать она стала сниматься для местных каталогов и журналов, начала зарабатывать. Она была прекрасной и знала это, как понимали это и все остальные. Ее карьера набирала оборотов, и вскоре ей поступило предложение от крупного модельного агентства Нью-Йорка. В шестнадцать лет она решила бросить школу и отправиться туда.

Я теперь понимаю, что она сделала так, потому что, хотя мы с Карлом были ее родителями, нам было сложно отказать ей. Мы согласились, что ей нужно идти за мечтой, но давали ей год, а потом я должна была приехать к ней.

Ингрид упрячилась. Она настаивала, что я там не буду, была убеждена, что я буду и дальше смущать ее своими странностями и испорчу ее «лучший шанс на счастье».

Карлу нужно было работать. Он старел, и его проблемы с бедром не позволяли ему путешествовать далеко.

Несмотря на возражения Ингрид, я решила поехать в Нью-Йорк.

Но возражала не только она.

За неделю до отлета я сидела в саду и наслаждалась последними днями здесь в свете вечернего солнца с чашкой чая. Я ощутила знакомую прохладу кожей и поняла, что я не одна. Якоб появился за мной и сел за стол.

Он не изменился, как обычно. А я изменилась.

— Ты приходишь каждые шестнадцать лет? — спросила я, рука дрожала, сжимая фарфоровую чашку. Я нервничала, но и была рада видеть его.

Он быстро улыбнулся.

— Я прихожу только тогда, когда ты собираешься сделать то, что не должна.

— Правда? — мрачно спросила я и отклонилась на стуле. Кости немного болели, я вспомнила, что постарела, мне было почти 51. — Нет бы просто поздороваться.

— Ты могла бы и поздороваться, — сказал он, склоняясь на локтях, он был все в той же старой белой рубашке.

— Ты говорил мне не приходить, а ждать тебя.

— Я сказал это, чтобы ты не стала ходить в Тонкую вуаль и привлекать к себе внимание. Ты видела, что случилось, когда ты вышла. Способности.

— Да, — сказала я, делая глоток чая. Он быстро остывал рядом с ним. — Как прекрасно, когда комната дрожит, когда я злюсь, и как весело постоянно видеть призраков.

— Не говори, что я тебя не предупреждал.

— Не предупреждал! — прошипела я, немного чая пролилось на стол. Блюдце негромко загремело на столе.

Я опустила чашку на стол и взяла себя в руки.

— Ты меня не предупредил. Ты притащил меня на ту сторону, зная, что для меня все станет хуже.

— Ты хотела знать правду, и я мог рассказать ее только так.

— Не знаю, — зло ответила я. — Думаю, ты проверял меня, смотрел, на что я способна.

— Может, мне было любопытно, — он теребил рубашку. — Но я не поэтому здесь.

— Нет, ты пришел предупредить о другом, уверена. Что в этот раз? За мной придет бугимэн? Может, придут какие-то тролли?

— Не нужно ехать в Нью-Йорк, Пиппа, — сказал он мрачно.

Я разглядывала его лицо, его искренность. Мне было горько понимать, что его слова оказались правдой.

— Почему? — спросила я, устав возмущаться.

— Потому что это плохо для тебя закончится. Потому что Ингрид нужно остаться здесь. И тебе нужен тот, кто тебя любит, Карл. Тебе нужно защитить его от нее.

От его слов в моих венах застыл лед.

— От нее? Что ты знаешь об Ингрид? Что с ней?

Он вскинул рыжие брови.

— Что с ней?

— Она не в себе, — робко сказала я.

— Ты тоже. Вы обе. Если вы отправитесь в Нью-Йорк, она восстанет против тебя и влюбится в мужчину. Она оставит тебя, отбросит, как больную собаку, и у тебя никого не останется.

Я смотрела на чай и выдавила улыбку.

— О, но у меня все еще будешь ты, да? Как дух, конечно, пока я еще жива.

— Я серьезно.

Я посмотрела на него и увидела, что это так. Но я все равно пожала плечами.

— Я приняла решение, я еду. Я делаю это для Ингрид.

— Не ради того, чтобы увидеть Луди?

Я охнула, не сдержавшись. Я не могла притворяться, что не думала о том, как встречу там Луди.

— Нет, не из-за Луди. Это ради моей дочери, не ради меня. Я хочу, чтобы она была счастлива, и она, похоже, будет.

— Дело не только в Ингрид. Она не получила твои способности, но ее дети могут.

— Дети? — с неохотным интересом спросила я.

Он молчал, и я продолжила, злясь на него все сильнее с каждой секундой:

— Итак, Ингрид выйдет замуж и родит внуков, которые будут прокляты, как я. Что мне делать?

— Не ехать.

Я встала в ярости, сбив стул на газон.

— Ты даешь мне столько информации. Столько... силы! Смешно давать мне такую ответственность. Это и жизнь Ингрид, и я не испорчу ее, потому что какой-то проводник мертвых думает, что мои внуки будут в опасности. Это слишком, ты не видишь?

Я покачала головой и пошла прочь, размахивая руками, мне было все равно, смотрит ли хоть кто-то из дома.

— Я этого не сделаю. Я не буду портить жизни вокруг меня ради того, над чем я не властна. Если она хочет влюбиться, пускай. Судьба ведь сводит людей?

— В этом ты права, Пиппа, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Судьба всегда найдет тебя.

Он пошел к калитке и пропал в мерцании, которое на миг появилось и исчезло.

Он даже не попрощался.

* * *

Встреча с Якобом и его неприятные предсказания трепали мне нервы, пока я не ступила на американскую землю. Я отвлеклась и разглядывала новую страну, фургончики с хот-догами, запах масла и пота, звуки миллионов машин и молотков.

Нью-Йорк освежал меня, как и Ингрид. Ее лицо тут же загорелось, улицы предлагали ей яркую жизнь. Я видела, как она перебирает возможности в голове, и я сама проходила такое в молодости, когда прибыла в Стокгольм. Это было так давно.

Карл постоянно передавал деньги на мой банковский счет, и мы смогли снять небольшую квартиру на 53-й улице возле ароматного ресторана китайской кухни. Первые пару недель я спала в кресле, разгружала чемодан, мы ели китайскую еду. Ингрид все еще была очень тонкой, ей было все равно, что есть, пока она оставалась одного размера. Скоро это изменится, когда она начнет работать. Скоро все изменится.

Началось с модельного бизнеса. Я ходила с ней на пару кастингов, чтобы посмотреть все, но знала, что мешаю Ингрид, и прекратила. Не помогало и то, что призраков было очень много. В городе их было слишком много, и порой мне приходилось всеми силами держаться от них подальше.

Ингрид много работала, вскоре она стала зависать с неправильной компанией. Они точно принимали наркотики. Она начала ходить на вечеринки, перестала есть, она похудела и начала меняться. Ее способность терпеть меня пропала, и однажды я пришла домой и обнаружила свои вещи сложенными. Ее парень, Стью или Дрю, въехал сюда, а мне нужно было выезжать. Я даже возразить не могла. Она зарабатывала и платила почти всю ренту.

Я знала, что спорить не стоит. Ей было семнадцать, ее было не остановить. У меня не было власти над ней, никогда не было.

И с тяжелым сердцем я позволила Стью или Дрю въехать в его рваных джинсах и кожаной куртке и перебралась в мотель с тараканами, пока не пойму, что делать с собой.

Ответ прибыл в форме рекламы в газете. Семья с запада искала няню для двух мальчиков, которым было шесть и девять. И в обмен няня получала комнату и питание.

В животе все трепетало, это казалось хорошей идеей. В другой семье я ощущала бы себя безопасно, ведь сейчас была одинокой и забытой. Я знала, что могла вернуться в Швецию к Карлу. Может, это и стоило сделать. Но, хотя я не могла жить с Ингрид, я не могла и бросить ее. Я хотела остаться в городе и приглядывать за ней по возможности, быть рядом, если я ей потребуюсь, хоть это было и маловероятно.

На следующий день я поехала на такси в новый район и оказалась перед узким, но со вкусом украшенным домом на две семьи. Там жили О'Ши.

Я давно не ходила на собеседования, а теперь мне было за пятьдесят, у меня была куча ненужного опыта, давящего мне на нервы. Я смотрела, как такси останавливается с бабочками в животе. Глубоко вдохнув, я пошла по коричневым ступенькам.

Я нажала на кнопку звонка, восхищаясь крыльцом и небольшой верандой, относительным спокойствием, которое ощущалось здесь.

Я не слышала ничего, кроме звонка и последовавшей тишины. Ни смеха детей или воплей, ни топота ног. Я сверилась с часами, чтобы проверить, что пришла вовремя и в правильный день, хотела нажать на звонок снова, но дверь распахнулась.

С другой стороны стоял мужчина под два метра с темно-кариими глазами. Хотя он был примерно моего возраста, его волосы были густыми и без седины. Он держался прямо, его одежда была аккуратно выглаженной, и, хотя он торжественно улыбнулся мне, в нем было напряжение и закрытость.

— Вы, должно быть, Пиппа, — сказал он и протянул руку. — Я — Кертис О'Ши.

Его акцент был ирландским, хотя он пытался звучать как американец. Я пожала его руку, он сжал мою ладонь крепко и быстро.

Я поздоровалась, и он пропустил меня внутрь.

Дом был пустым и чистым у двери. Не было видно детей, не были разбросаны игрушки или обувь. На стенах были пейзажи Ирландии и современные картины, но не было рисунков семьи или гордо выставленных творений детей.

— Спасибо, что так быстро откликнулись. Я разместил объявление только вчера, — сказал он, проходя мимо меня в коридор. Он оглянулся, проверяя, иду ли я за ним.

Я быстро разулась, не желая пачкать дом, и поспешила за ним. Казалось, в этом доме нельзя было шуметь, тяжелое напряжение давило на наши головы.

— Были другие желающие? — спросила я.

— Несколько. Идемте в гостиную.

Он прошел в дверь слева, я — за ним. Пока я приближалась, я заметила напротив кухню, где творился хаос — кастрюли и сковороды стояли горами в раковине, армия грузовиков и динозавров валялась на полу, на поверхностях были пятна.

Кертис заметил мой взгляд, и я быстро отвернулась. Видимо, это я не должна была видеть, но моей работой и будет уборка всяких беспорядков.

— Я не очень хорошо за всем слежу, — объяснил он, когда я прошла в комнату и села на диван напротив него. — Вы видите, зачем нам нужна няня.

Я кивнула, устроившись на кожаном диване и сложив ладони на коленях. Я видела, что он смущен.

— Вы один?

Он быстро улыбнулся, все еще красивый и сдержанный.

— Нет. У меня есть жена, Реджина. Но... — он замолчал и быстро окинул комнату взглядом. — Я работаю инвестором. Работаю подолгу, дома бываю не так часто. Вам нужно

будет заботиться о детях, готовить им еду, убирать в доме... делать все то, что Реджина пока что не может.

Я не хотела давить, но нужно было знать:

— С вашей женой что-то не так?

Он резко выдохнул и потянул себя за волосы. Я хотела извиниться за смелый вопрос, но он сказал:

— Она больна. Психически. Мы не знаем, что с ней. Она много пьет. Она... катится по наклонной, уже не может ухаживать за своей семьей. Мне нужен кто-то, кто будет делать это за меня.

— Например, я? — спросила я. Возможно, я просила что-то, что было за пределами моих способностей. Я сама была не лучшей матерью, у меня были все время сложности с Ингрид. Справлюсь ли я с двумя детьми и их больной мамой-алкоголичкой? Похоже, это было слишком.

Кертис заметил выражение моего лица и принялся крутить обручальное кольцо на пальце. Он сказал:

— Знаю, это не лучший вариант, но я хочу сразу быть честным. Для меня важен мой вид, и мне нужен тот, кто будет поддерживать то, что я создал. Я хорошо обеспечиваю семью, даю все, что нужно. Мальчики, по крайней мере, старший, хорошо воспитаны и ухожены. Я очень старался дать им эту жизнь, но я не могу быть их матерью. Я не жду, что вы станете им матерью, но ваша помощь была бы кстати. Было бы намного лучше, чем сейчас: бездельницу.

Я вздрогнула, услышав, как он говорит о жене, но он не заметил.

— Должна сказать, что не уверена, что я — верный кандидат. Мне пятьдесят, уже не лучшие годы. Уверены, что вам не нужен кто-то свежий?

Он покачал головой.

— Нет. Я видел пару свежих женщин утром, боюсь, они не подходят. Дело не в энергии. Вряд ли мои мальчики замучают вас, они ведут себя, по большей части, хорошо. Мне нужен кто-то сильный духом, чтобы высококлассно разобраться с ситуацией. Вы видели ситуацию.

Кертис снова потянул за волосы, это был нервный тик. Как у него еще оставались волосы с такой привычкой? Он посмотрел на меня с очень серьезным видом.

— Я хорошо заплачу вам.

Я не хотела обсуждать это, так что улыбнулась, пытаюсь понять, что делать. Я не знала, верное ли это место для меня, учитывая, через что я проходила. Я не хотела переживать это снова. И деньги тут не влияли.

— Твою мать, — вдруг выругался он, я вздрогнула. Он встал и прошел к месту между креслом и камином. Он склонился и, выпрямившись, поднял разбитую стеклянную награду. Его глаза стали дикими, я ощущала, как он гнев паром исходит от него. Он посмотрел на полку над камином, где, видимо, раньше стояла награда. — Сукин сын, — сказал он, понизив голос в ярости. Меня словно не было, он промчался мимо и высунул голову в коридор. — Деклан Пьер О'Ши! — завопил он, его голос разносился по всему дому. — Немедленно тащи сюда свою задницу!

Я повернулась и наблюдала за Кертисом. Он сжимал награду так сильно, что я удивилась, как у него еще не потекла кровь.

— Все в порядке? — спросила я.

Он покачал головой, гнев не покидал его глаза, он ждал на пороге. Я слышала шум,

мальчик неохотно встал перед отцом.

Он был младшим, шестилетним, худеньким, с растрепанными черными волосами, как у отца. Его взгляд был опущен, но глаза точно были темно-карими.

— Ты сломал награду Майкла по лакроссу?! — закричал Кертис.

Деклан не двигался и не говорил. Я видела, что он застыл от страха. Я сама боялась, сердце замирало в груди.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, — прорычал Кертис. Он схватил Деклана за ручку и грубо подтащил к себе. — Отвечай! Это был ты?

Он был перед лицом мальчика, от его воплей у того сильнее растрепались волосы. Деклан медленно поднял взгляд на отца. Взгляд был удивительно тяжелым. Я думала, он плачет, но этого не было.

— Да, — сухо сказал мальчик. — Мне жаль.

— Жалость не поможет, — едко сказал Кертис. Деклан попытался вырваться из хватки отца, но Кертис сжал сильнее, выглядело так, словно он ломал своему ребенку кости, он вдруг подвел Деклана ко мне. Я охнула, не сдержавшись.

— Это Деклан. От него могут быть проблемы.

Кертис толкнул мальчика ко мне. Ребенок смотрел на пол.

— Деклан, обещаю, что не будешь мучить эту милую женщину, как делаешь это со мной и своей мамой.

— О, он еще маленький... — начала я, но Кертис оборвал меня.

— Не важно. Он знает, как себя вести, разбивать трофеи брата нельзя. Зависть не дает ему на это право. Ты меня слышишь, Деклан?

— Это было случайно! — взвыл Деклан, наконец, проявляя эмоции. — Я бросил мяч и...

— Нельзя ничего бросать в доме! — лицо Кертиса стало гадкого оттенка красного. — У нас есть правила.

Деклан перевел взгляд на пол и пробубнил:

— Майки не играет со мной, а мама сказала, что от меня у нее болит голова. Она сказала мне пойти и поиграть в доме.

— Хватит оправданий, — он снова потянул за волосы и вздохнул. А потом быстро похлопал Деклана по голове, его лицо чуть исказилось, словно он гладил ящерицу, а не сына. — Позови брата. Позже разберусь с тобой.

Деклан кивнул. Перед уходом он посмотрел на меня большими темными глазами, и я увидела мольбу о помощи. Он словно звал воплем на помощь в моей голове.

Я потрясенно и испуганно кивнула, и Деклан ушел, опустив плечи и голову. Пораженный.

Через пару мгновений в комнату пришел Майкл, которому было девять. Он был высоким для своего возраста, выглядел хорошо, как и его отец, но был бледнее Деклана. Его волосы были светлее, короче, и он был в аккуратной футболке и штанах цвета хаки. Было заметно, что Майкл был любимым сыном. Я почти видела на нем эту отметину.

После разговора Кертис быстро показал мне остальной дом, кроме спальни хозяев, где спала Реджина. Но зато я увидела со вкусом обставленную комнату, что предназначалась мне.

— Это будет ваша комната, если вы согласитесь, Пиппа. Надеюсь, вы согласитесь. Вы нужны нам здесь, — сказал Кертис. Он успокоился, и, хоть не повеселел, но с ним было

приятно, и он пытался уговорить меня.

Я не повелась. Я сказала, что мне нужен день на размышления, особенно, если он хотел, чтобы я начала сразу же.

Я села в такси и помахала ему. Машина поехала, и я заметила движение на втором этаже. Я увидела в окне маленького Деклана. Он не махал, но провожал меня взглядом. Но был слишком далеко, чтобы видеть четко, но я ощущала его отчаяние и печаль.

Я не знала все про их семью. Я знала, что работа будет сложной. Но, если я не смогла быть матерью для Ингрид, может, я смогу стать такой для мальчика, которому она была очень нужна.

Через два часа я позвонила Кертису из мотеля и сказала, что согласна работать.

Через день я переехала к О'Ши, как Пиппа Линдстрём, их новая няня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я ни разу не пожалела о том, что стала няней Деклана и Майкла. Надеюсь, ты это понимаешь, Деклан, как бы сложно ни было в те проблемные времена. Я не жалела.

Вряд ли можно было найти работу сложнее. Особенно сложно было сначала.

Кертис, как он и говорил, редко бывал дома. Я не собиралась спрашивать, где он был, хотя порой задумывалась, как он мог работать с рассвета до одиннадцати ночи. Он или был трудоголиком, или у него был кто-то на стороне. Может, не один. Порой я улавливала от него запах духов, и это не были духи Реджины. Они не говорили, только кричали друг на друга.

О, Реджина. Было сложно описать, что я чувствовала к твоей матери, Деклан. Но я знаю, что ты чувствовал к ней. Я понимаю твой стыд и гнев из-за такой матери. Но, хотя Реджина пугала меня, я видела, что она была жертвой своего разума и обстоятельств. Где-то в глубине ее души была добрая душа, жаль, что, когда я пришла в семью, ее уже не было. На ее месте остался настоящий монстр.

У Реджины были две проблемы, о которой меня предупреждал Кертис, и они были так сильно переплетены, что было сложно понять, какая из них появилась раньше. Была ли она психически больна, потому что постоянно пила, или она пила из-за болезни? Думаю, такой вопрос можно задать и про нас. Мы отличались, потому что видели призраков, или видели их, потому что отличались психически?

Отметьте, я называю ее больной, а нас — отличающимися. Может, позже меня и можно было назвать больной, но Реджина была сильно больна. Она не могла двигаться или не хотела. Она большую часть времени проводила в алкогольной коме. Она выползала из комнаты в полудню в одежде, которую носила днями, с ужасным запахом. Она неустойчиво шла на кухню и заливала миску хлопьев, а еще наливала несколько чашек кофе. Только это она принимала, помимо выпивки. Она редко говорила, когда была трезвой. Она бубнила и дрожала.

Порой она смотрела на меня в смятении, словно не знала, кто я. Однажды она спросила меня, призрак ли я, не преследую ли ее. Я хотела что-то ответить, но не смогла. Она так затерялась в своей голове, а я уже давно отчаялась найти кого-то схожего.

Она не была злой, когда трезвела, просто была далекой. Майкл и Деклан соревновались за мгновения ее внимания, но она не давала им и этого. Ее глаза стекленели, лицо становилось пустым, и мальчики уходили. К счастью, Кертис настаивал, чтобы они был

вовлечены в большое количество занятий, и они занимались хоккеем, лакроссом и прочими видами спорта, чтобы мальчики были отвлечены.

Когда Реджина напивалась, все менялось, и, к сожалению, пьяной она была чаще, чем трезвой. Шли годы, ее жестокость и депрессия усиливались.

Я не буду вдаваться в подробности, потому что Деклану это будет не очень приятно, но опишу пример ночи в их доме.

Деклану тогда было восемь, я осталась с ним в выходной день. Кертис был неизвестно где, а Майкл уехал на научную выставку в другой город. Я бы поехала с ним и взяла Деклана, но он был с одноклассником и его семьей. Я видела, что Майкл желал провести день вдаль от нас с Декланом. Он не очень любил младшего брата, мог даже обижаться на меня. Может, дело было в том, что я особо опекала Деклана. Почему-то ему всегда попадало от родителей, а для меня он был живым и милым.

Стояла теплая весна, мы с Декланом вышли на задний двор, пока садилось солнце и ранние комары уже вылетели на охоту. Я наслаждалась чашечкой эспрессо и новыми фонарями в саду, а Деклан читал книгу с фонариком. Это был детективный роман, и я хорошо это помню, я спросила его, не хотел ли он уйти внутрь и читать там, ведь на улице темнело.

Он посмотрел на меня и покачал головой. Я узнала страх в его глазах, усиленный зловещим светом фонарика.

— Что такое? — прошептала я.

— Она снова в моей комнате, — прошептал он в ответ.

Я встала и опустила на прохладную траву рядом с ним. Я убрала волосы с его лба, подумывая, что ему нужна другая стрижка.

— Кто в твоей комнате? — спросила я.

— Мама. Она все громит.

Я посмотрела на дом. Я не видела отсюда его комнату, но свет в доме не горел.

— Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами.

— Просто знаю. Порой у меня есть такое предчувствие.

Он еще пару секунд смотрел на книгу, а потом отложил ее, его глаза слезились.

Даже в худших ситуациях, когда Кертис орал на него или бил, когда Реджина обзывала его ужасным образом, Деклан не плакал. И при виде слез в этих карих глазах мне стало страшно.

— О, Деклан, — мягко сказала я. — Что такое?

Он попытался сдержать слезы, но его голос дрожал.

— Она ломает мои вещи. Я не хочу, чтобы она была в моей комнате, Пиппа. Это моя комната. Она должна быть безопасной.

Я разбивалась на части, ощущала печаль и растущий гнев, ведь за эти годы видела, как с ним обращаются в семье.

— Знаешь, что мы сделаем? Пойдем вместе и остановим ее.

Он упрямо покачал головой.

— Нет, она навредит тебе. И мне.

— Твоя мама порой пугает, но я преодолела больше, чем она, я сильнее. Психически и физически. Мы остановим это. Я не хочу, чтобы ты боялся. И я не позволю и пальцем тебя тронуть.

Он вытер одинокую слезу, покатавшуюся по щеке, обдумывая мои слова. Было что-то взрослое в этом крохе. А потом он сказал:

— Хорошо, — с решимостью солдата, идущего в бой.

Он взял меня за руку, его ладони уже были потными, и мы пошли в дом. Я включила свет, успокаивала свои нервы, скрывая переживания, и мы пошли вверх. Почти у вершины я услышала рычание и вскрики, доносящиеся из комнаты Деклана.

Дверь была заперта, но не было никаких сомнений, что Реджина была там. Я слышала ее движения, ее ворчание на французском, странное гудение. Я держала Деклана за собой и постучала в дверь. Я надеялась, его мать ответит. Я была сильнее, но мне было пятьдесят пять, а ей всего за тридцать.

Раздалась ругань. Я разобрала лишь половину, остальное было произнесено невнятно.

Я сжала ладонь Деклана и прошептала:

— Будь здесь, — и открыла дверь.

Он был прав. Она громила его комнату. Его мать была на четвереньках посреди пола, отрывала голову у одной из немногих оставшихся плюшевых игрушек Деклана. В комнате пахло мочой и фекалиями, я видела коричневые пятна на стенах, и лужи на ковре. Реджина выглядела как дикое больное животное в изорванной ночной рубашке в пятнах от рвоты. Ее пальцы были коричнево-красными, руки были в царапинах, сочилась кровь. Все вокруг было разгромлено, включая его кровать, разбитую пополам, пух вываливался из подушек.

Она улыбнулась мне, а потом быстро бросила игрушкой мне в голову. Я пригнулась, и игрушка пролетела мимо, хотя и не навредила бы, но это привело к тому, что обезглавленная окровавленная игрушка упала у ног бедного Деклана.

— Прочь! — заревела она с акцентом, шатаясь на коленях.

Я была слишком потрясена, чтобы двигаться, я могла лишь сказать:

— Я вызываю полицию.

— Но я не дала сыну подарок! Чудесный подарок!

Я не хотела, чтобы она хоть что-то давала Деклану, так что обрела силы и быстро закрыла дверь перед ней. Я схватила Деклана на руки и, насколько позволяло тело, быстро понесла его вниз по ступенькам. Мы были почти внизу, когда я услышала, как открывается дверь его комнаты, и Деклан вскрикивает.

Я обернулась вовремя и увидела, что в руках Реджины улей. Он был небольшим, Кертис снял его пару дней назад, обнаружив на доме. Из него доносилось гудение, я не успела понять, что происходит, откуда он у нее, а она бросила его по лестнице, и он поскакал по ступенькам, ударился о мои ноги, а потом об пол. Он треснул и, к счастью, пчел там почти не было, иначе у нас возникли бы большие проблемы.

Я добралась до входной двери и выбежала на улицу, отделавшись одним укусом в лодыжку. Деклан с его аллергией был потрясен, но не пострадал. Я направилась в дом напротив, зная живущую там пару, и по их телефону вызвала полицию.

Это был не первый вызов полиции из-за Реджины, как и не последний. Было много похожих случаев, и у меня не было сил остановить это. Я много раз озвучивала Кертису тревоги насчет моей безопасности и безопасности детей, но он не слушал. Он не хотел отправлять ее на лечение, он злился, когда узнавал, что была задействована полиция.

После того случая Деклан спал в моей комнате. Я хотела спать на диване, но он так боялся оставаться один, что я спала рядом с ним. Он стал изможденнее и раздраженнее. Оценки стали хуже, он потерял интерес к занятиям, которые раньше ему нравились, ему

было сложно сосредоточиться, а его брат все сильнее выделялся. Он все сильнее тревожился из-за, как я думала, призраков. Как оказалось, кроме ужасов в его жизни, мой милый мальчик еще и был таким, как я.

За год до этого мы с Декланом ехали на автобусе в Центральный парк, мы часто так делали. Я приглашала, конечно, и Майкла, но он сказал, что проведет день с друзьями. Я не винила Майкла за то, что он старался как можно чаще бывать вне дома, вдали от семьи. К сожалению, Деклан все еще был слишком юн, у него не было друзей, и все его внимание было направлено на меня.

Мы шли по дорожке, деревья выпустили новые листья, и я заметила, что Деклан с любопытством смотрит на женщину у луга. Я видела ее уже много раз. Женщина была в одежде 1920-х, смотрела на землю и никогда не двигалась. Я знала, что она, конечно, призрак, но я впервые увидела, что ее заметил Деклан.

— Деклан, — сказала я. — Ты знаешь, куда уходят люди, когда умирают?

Он не встревожился из-за моего странного вопроса, разжевал кусочек карамельного попкорна, коробочку которого он держал в руках.

— В рай или ад.

— Да, хотя никто не может быть в этом уверенным, — сказала я. — Но я знаю.

— И куда они уходят? — спросил он, глаза блестели от любопытства.

— Некоторые никуда не идут, — сказала я, глядя на женщину на луге. — Некоторые остаются там, где мы с тобой их видим.

— Да?

Я перестала идти и повернула его к широкому зеленому лугу.

— Да, Деклан. Видишь женщину, стоящую посреди луга?

Он кивнул. Я ощутила прилив гордости.

— Я вижу ее каждый раз, когда прихожу сюда, — продолжила я, радуясь, что могу поговорить об этом. — В любое время дня и года я вижу ее там. И теперь знаю, что ты тоже ее видишь, значит, у нас схожий дар.

— Дар? — он в забавном смятении нахмурился.

— Да, — я указала на ближайшую скамейку, где старик кормил голубей. — Подойди к тому мужчине, не бойся, и спроси у него, видит ли он ее.

Деклан растерялся еще сильнее, но была в нем сторона, дающая смело вести себя с незнакомцами. Он кивнул и подошел к мужчине, который отвел взгляд от курлыкающих птиц с недовольством.

— Да, сынок? — сказал старик.

Деклан указал на женщину.

— Простите, сэр, у меня есть вопрос. Видите там даму?

Старик посмотрел, куда он указывал, и прищурился.

— Ты издеваешься?

Деклан взглянул на женщину. Он с удовлетворением сказал мужчине:

— Нет, сэр. Но вы точно не видите даму?

— Там никого нет, — проворчал мужчина, снова взглянув туда.

— Но это не так. Она там. Мы с няней ее видим! — голос Деклана стал выше, он закусил губу, тревожась.

— Или твоя бабушка псих, или она врет.

— Но я тоже ее вижу.

Мужчина отмахнулся и отвернулся к голубям.

— Тогда вы оба психи, или вы издеваетесь. Иди, ты пугаешь моих птиц.

Деклан побежал ко мне.

— Ну? — спросила я.

Его глаза были огромными, он заговорил:

— Он сказал, что мы — психи.

Я склонилась и притянула его к себе, глядя глубоко в его глаза.

— Потому мы не должны никогда рассказывать людям, что видим это. Они не видят, они не понимают. Это опасно.

— Но она стоит там. Почему он ее не видит? Он слепой?

— В какой-то степени, Деклан. Видишь ли, она мертва.

Он вздрогнул.

— Мертва? — потрясенно спросил он и оглянулся на нее, его глаза наполнились страхом и удивлением.

— Она призрак, — просто сказала я, стараясь не пугать его.

— Но... призраки есть только в книгах и фильмах.

— И в Центральном парке, — я взлохматила его волосы. — Хочешь поговорить с ней?

— А можно? — спросил он.

Я улыбнулась его смелости и взяла за руку.

— А почему нет? Это мы и должны делать.

Вместе мы шли по лугу к женщине. Я ощущала на нас взгляд старика, бросающего семечки голубям, и знала, что он увидит, как мы говорим с воздухом, но мне было все равно.

Мы подошли ближе, и я увидела, что женщине под тридцать, она была красивой, с короткими подкрученными волосами. Ее платье свисало с нее, что было популярно раньше, и она была в белых перчатках, сцепленных перед ней. Она все смотрела на землю, затерявшись в печали, и она не замечала нас, пока мы не оказались перед ней. Она посмотрела на нас уставшим и растерянным взглядом, а потом отвернулась.

— Привет, — сказал Деклан.

Она испугалась.

— Я? — спросила она дрожащим голосом.

— Да, вы.

— Не груби, Деклан, — возмутилась я.

Женщина смотрела на нас.

— Вы меня видите?

— Конечно, — сказала я ей. — Почему ты спрашиваешь?

— Многие меня не замечают. Даже когда я спрашиваю у них, который час.

Ах, это многое объясняло. Обычно все призраки замечали меня. Я привлекала их, ведь давала внимание и энергию. Но эта женщина не знала, что она мертва. Это было для меня в новинку.

— Хочешь узнать, который час? — спросила я.

Она кивнула.

— Прошу. Я должна встретиться здесь с парнем. Я недавно в городе. Я переживаю, что здесь нельзя ходить так поздно. Парк ночью пугает.

Что-то говорило мне, что прогулка по парку ночью и стала для нее последней.

— Сейчас не ночь, — сказал Деклан, странно глядя на нее.

Я погладила его по голове и тепло улыбнулась женщине.

— Надеюсь, твой парень скоро придет, — сказала я ей. — Одна здесь не ходи.

Женщина слабо улыбнулась и продолжила смотреть на землю.

Я взяла Деклана за руку и повела прочь.

Он оглянулся на нее через плечо.

— Почему она думала, что сейчас — ночь?

— Может, тогда она умерла, для нее теперь все время темно.

— Почему ты не сказала ей правду?

— Может, когда-нибудь скажу. Нам и без того нужно многое обдумать, да?

И я все-таки рассказала женщине. Я хотела вернуться без Деклана, ведь не знала, как хорошо она это воспримет. Я думала, что открытие правды будет сродни пробуждению лунатика.

Я была отчасти права. Когда я вернулась в парк к женщине, она много кричала и отказывалась. Если бы ее видели другие, она бы устроила сцену. А потом она поняла правду и разрыдалась из-за жизни, какая у нее была, людей, которых она любила.

Я не знала, что делать с плачущим призраком, но Другая сторона ответила на этот вопрос. Впервые за несколько лет воздух затрепетал, замерцал. Мое сердце сжалось, я думала, что снова увижу Якоба, я отметила, что тепло думаю о проводнике, но появился грузный мужчина в костюме. Я не знала, откуда брались проводники.

— Вы Якоб? Один из Якобов? — спросила я.

Мужчина кивнул и посмотрел на женщину. Он протянул ей руку.

— Лорейн, идем со мной. Я помогу тебе.

Я ждала, что она начнет упираться, ведь ее звал незнакомец, еще и появившийся из воздуха. Но она обхватила его руку без колебаний, а потом просияла. Мой Якоб приносил мне умиротворение, пока я была жива, но Якоб Лорейн принес ей мир в смерти.

И она пропала. Это было удивительно красиво и трогательно, я часто о нем думала, когда моя жизнь начала рассыпаться на моих глазах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Понимание, что у Деклана такая же способность, как у меня, уменьшило мое одиночество. Но, хотя я часто рассказывала мальчику, каких призраков видела, он так в ответ не делал. Я спрашивала, но он не отвечал или менял тему. Ему нравилось слушать это, но не признавать, что такое было с ним. Может, Деклан, ты видел все не так, как я. Все же моя способность стала хуже, когда я побывала в Тонкой вуали.

И все же мне помогали разговоры с Декланом, только он слушал меня, не угрожая запереть в психушке. Ситуация у меня ухудшалась и с призраками, и с семьей.

Нет, я не забыла свою дорогую дочь или Карла, но мои отношения с ними стали натянутыми. Признаюсь, отстранилась я, больше времени я посвящала Деклану и Майклу, и в своем хрупком состоянии я боялась говорить с Карлом и Ингрид.

Ингрид смогла уйти от неправильной компании, потому что встретила отца Перри, Дэниела. Я встречала его пару раз за обедом, он был намного лучше Стью, Дрю или кто там у Ингрид был раньше. Я бы никогда не подумала, что моя дочь будет с кем-то таким, как Дэниел. Их было забавно видеть вместе: он низкий и полный, и она — высокая и худая. Но он был умным и страстным, год пробыл в католической церкви для диплома. Ингрид

почему-то тянуло к нему, а его — к ней. С ним она становилась добрее и мягче, чего я у Ингрид почти не замечала.

Видимо, потому я и отстранилась. До этого я упрямо хотела проводить время с ними. Но были дни, когда я боялась покидать дом, боялась реакции, которую вызову. Мертвые все еще приходили ко мне, с каждым годом их было все больше, все хотели кусочек меня, чтобы я их выслушала, а то и заполнить мою душу.

Одного призрака я запомнила особенно. Мужчина с лицом в тени, который издевался над девочкой в моем саду, давным-давно. Сначала я увидела его на заднем дворе, а потом на улице у дома. Он просто следил за мной. Как-то ночью я проснулась, чтобы посетить уборную, и ощутила, что на меня смотрят. С горящими нервами я пробралась по дому и ощутила сильнее всего это рядом с дверью Деклана. Тогда ему было почти двенадцать, он был силен и вернулся в свою комнату. Порой он запирал дверь, но не в эту ночь, и я тихо открыла ее. Черная фигура стояла у его кровати. Это длилось лишь миг, а, когда я включила свет, разбудив бедного мальчика, мужчина пропал. Деклан уснул, не зная, что происходило.

Я ощущала зло от той фигуры, постоянно следившей за мной, как хищник, и я подозревала, что это — не призрак. Не человек. Это был демон. Годы шли, он появлялся все чаще. Я убеждалась в правоте. Якоб это упоминал.

И настал момент, когда постоянный страх из-за незнания того, что демон может сделать со мной или близкими сказался на моей психике. Я начала говорить с собой, демонами, призраками, и мне было все равно, видели ли это другие. Кертис и мальчики стали тревожиться за меня. Майкл и Деклан просто переживали, но у Кертиса я замечала недовольство, разочарование, ведь няня вела себя не менее безумно, чем его жена.

Я боялась, что меня выгонят. Но этого не случилось. Ушел Кертис. Без предупреждения. Деклану было тринадцать, а Майклу шестнадцать, когда Кертис оттащил меня в кухню и сказал, что завершил крупную транзакцию, он собирался отдать деньги детям, когда тем исполнится восемнадцать. Я не знаю, сколько так было, но, думаю, много. Кертис сказал мне, что хочет поблагодарить меня за тяжелый труд (о, похоже, меня все-таки выгоняли), и он организовал поездку для меня и мальчиков в Атлантик-сити на выходные. Им можно было взять по одному другу, мы могли тратить его деньги.

Мальчики были в восторге. Деклан уже был в группе друзьями, он пригласил барабанщика Джои. У Майкла была красивая девушка, и, хотя я строго следила за тем, сколько времени они проводили вместе (ни одна девушка при мне не забеременела), я разрешила ему взять ее, зная, что все дети все равно будут в одной каюте.

Это были одни из лучших выходных в моей жизни. Даже призраки и демоны держались в стороне, я могла насладиться соленым воздухом моря на борту, это было приятной переменой после делового города. Было приятно видеть, как улыбается и радуется Деклан. Он был в широких штанах и фланелевых рубашках в этом возрасте, его волосы были длиной до плеч, вились и были с красными прядями. Он умолял меня дать ему проколоть бровь с Джои в одном из заведений на пляже, но я топнула ногой и запретила. Но они не послушались и притворились, что пошли вечером в кино, и я не удивилась, когда они вернулись с пирсингом на лицах.

Я знала, Кертис убьет его за это (ему и без того не нравились длинные волосы Деклана и одежда, хотя мальчику уже было все равно), и он отругает меня. Но я решила пока не переживать из-за этого. Пока что у нас были спокойствие и солнце.

Я была рада дать мальчикам быть собой, даже если это был пирсинг, а Майкл и

Маргарет убежали ночью на пляж. Когда мы вернулись, все стало другим.

Дом был пустым. Реджина тихо плакала за столом на кухне. Она была пьяна, но не до чертиков, хотя и не рассказала, почему плачет. Это нас поражало, ведь Реджина редко выражала печаль, был лишь гнев.

Я пошла наверх, к спальне хозяев, по наитию, и обнаружила, что комната была опустошена. Пропало все, что принадлежало Кертису. Его одежда, обувь, книги.

Я забежала в его кабинете, там тоже было пусто. Его сертификаты, грамоты, компьютер и папки — все пропало. Не было даже записки. Он просто ушел.

Вдруг я поняла, что столкнулась с сильной проблемой. Я получила семью, но у меня не было денег поддерживать их без кормильца.

Я так и не узнала, почему твой отец ушел, Деклан. И мы уже не узнаем, наверное. Может, имидж и гордость были для него дороже семьи, и он решил не скрывать все, а оставить позади. Может, он убежал с любовницей, может, скрывался от полиции или налогов. Не важно. Он был трусом и оставил после себя хаос.

Я связалась с друзьями семьи, которых отталкивали годами. С их помощью мы отправили Реджину на лечение, а я пока растила Майкла и Деклана на свои сбережения. Я позвонила Карлу, и он согласился помочь мне, а потом умолял вернуться домой. Стоило послушаться, но я этого не сделала.

Дело в том, что я нуждалась в мальчиках, как и они во мне. Но пришло время, когда я не могла больше приглядывать за ними. Демон из тени пытал меня. Мольбы и прикосновения во тьме не прекращались. Даже Деклан порой боялся меня, и это ранило.

Но глупо было переживать из-за своих чувств, я больше думала о мальчиках. Майкл справлялся неплохо, продолжал сбегать в школу и на футбол. Деклан начал драться после уроков, проваливать экзамены и заигрывать со старшими девушками, к которым лезть не стоило. Он все время отдавал музыке и писал невероятные стихотворения, которые я нашла разбросанными в его комнате. Это мне явно не хотели показывать. Хотя Деклан боялся отца и не был с ним близок, его поступок мальчик воспринял плохо. Он был разозленным подростком, и я не могла винить его за это.

Реджина вернулась новой женщиной. Она была тощей и строгой, но трезвой. Пока что. Она смогла получить работу в колл-центре, что означало, что мои услуги не требуются, да она не могла бы их позволить со своей зарплатой. Им пришлось променять дом на крохотную двухкомнатную квартиру в Бруклине. У Майкла близился выпускной, и он смог остаться в своей школе, но Деклану пришлось начинать заново.

К сожалению, здесь наши с Декланом пути разошлись. После их переезда я навещала Деклана, сколько могла. Я жила в Квинсе, снимала комнату в подвале у юной семьи, выживая на щедрости Карла, и ехать было недалеко. Но через какое-то время мое состояние ухудшилось, Ингрид и Дэниел вернулись в мою жизнь.

* * *

Я была удивлена, когда Ингрид и Дэниел навестили меня в один день, появившись на моем пороге без предупреждения. Моя маленькая комната была в беспорядке, и я знала, как это выглядело для них. Тарелки с объедками, мусор на полу, разбросанные книги с потрепанными обложками и страницами. Мусор и объедки оставались, потому что я слишком устала, чтобы ухаживать за собой. Книги разбросал полтергейст, который не оставлял меня, но люди этого не поняли бы.

О, может, тут я сочиняю. Это было давно, я некоторые моменты помню смутно.

Уверена, комната и я выглядели хуже, чем я вам описываю. Было достаточно плохо, чтобы Дэниел настоял, чтобы они начали опекать меня. Они жили теперь в маленькой съемной квартире в городе и были помолвлены.

Дальше все было размыто. Начались тяжелые времена. Я реагировала на то, что остальные не видели. Я жила в страхе, я боялась расслабляться хоть на минуту, боялась купаться, есть, спать. Нехватка сна была хуже всего, она разрушала мое здоровье и психику. Но я не могла спать, пока меня не заставляли. Сны казались слишком реалистичными, я чувствовала себя незащищено. Мне снилось то, что будет, снилось, что я заперта, что меня насилюют безликие фигуры, что я разбиваю косметичку, снилась кровь.

Лучше не становилось даже с их заботой, и Ингрид пришлось оставить работу моделью, чтобы приглядывать за мной. Казалось, сильнее она злиться не может.

Наконец, они позвонили Карлу и спросили его мнение о том, что делать со старой Пиппой. Он не мог приехать ко мне, и он настоял, чтобы я ехала домой, где мне окажут нужную медицинскую помощь. И он будет рядом, будет любить меня, пока за мной будут ухаживать должным образом.

Это не прекращалось, как бы они ни старались. Мы были близко, у меня был билет, в маленький чемодан были сложены мои вещи. Я была спокойна в дни перед полетом, я даже смогла обрадоваться, что мне помогут. Может, с правильным лечением, правильными людьми я смогу оставить призраков в кошмарах. Я буду скучать по Деклану, я надеялась, что он не забудет меня.

Я не могла оставить страну, не попрощавшись с ним, не передав то, что узнала от Якоба, и я направлялась к Реджине в день, когда все разрушилось.

Я хотела поехать на метро и уже собиралась спуститься по грязным ступенькам, когда увидела знакомую светлую голову, выходящую из ресторана.

Это был Луди, и время замерло. Я бросила газету, которую держала, и она упала у моих ног. Я смотрела на него, потрясенная, разъяренная.

Уже было видно его возраст, он был ухоженным, но уставшим. Его улыбка была очаровательной, предназначалась рыжеволосой молодой даме, чтобы шла с ним под руку, но искра угасла, а его голубые глаза потускнели, а волосы поседели, истончились.

Я не помню, что случилось. Я сорвалась на улице. Я подошла к нему, кипя, и спросила, почему он не интересовался нашей дочерью.

Он узнал меня. Я заметила страх и удивление на миг на его лице. Но он был актером и скрыл эти эмоции, проигнорировал меня. Он вел себя так, словно никогда меня не встречал, словно не понимал, о чем я. И я плюнула ему в лицо, напала на невинную рыжую так же, как на девушку в театре.

Я не могла сдерживаться. Я бушевала, кричала чушь. Я не владела собой.

Я выбралась из толпы, что собралась вокруг нас, и я в слепом отчаянии побежала к ступенькам метро. Я пробилась через грязный турникет, как паникующая птица, и в диком желании оставить печальную жизнь позади я побежала к ближайшим рельсам, поезд собирался сбить меня.

Не знаю, кто не дал мне броситься под поезд и покончить с собой, но кто-то сделал это, потому что проснулась я в психиатрической больнице, где и провела оставшиеся годы до смерти.

Думаю, если на земле есть ад, то он в палате в психушке. Это безнадежное место, наполненное людьми, что стали пустыми оболочками или чудовищами.

Я не знала, какой была. Я ощущала себя тенью женщины, которой была, но и монстром тоже. Но меня оставили одну и в страхе, и я больше не видела свою семью, хотя была заперта там десять лет.

Честно говоря, мне показывали фотографии моей семьи. Карл часто писал мне, что было мило, когда я могла читать, а не рвать бумагу. Он жалел, что не может меня навестить, ведь у него еще были проблемы, но я понимала, что все это ложь, что он жил дальше, нашел других людей, которых любил. И Ингрид. Моя дочь, которая клялась — с Дэниелом — что они не запрут меня, поступила наоборот. Она соврала и оттолкнула меня. Она тоже писала, показала мне фотографии свадьбы, беременности, а потом фотографии с ней и Дэниелом, улыбающимися над красивой темноволосой девочкой по имени Перри.

Стыдно, но первые фотографии я порвала. Я завидовала, что Ингрид получила мужа, любимого ребенка, а я оказалась здесь ни с чем. Я сначала возненавидела Перри без причины.

А в дни, когда я была спокойна, у меня хватало сил пробиться через лекарства (Деклан, как ты знаешь, они помогают немного), я поняла, что нужна Перри. Я слышала в голове слова Якоба, что мои внуки будут прокляты моим даром. А если Перри будет такой как я с такой матерью, как Ингрид?

Я ощущала себя беспомощно, большую часть времени я жалела себя. Нужно было послушать Якоба, когда он предупреждал, но я была эгоисткой. А потом я поняла, что у Якоба могут быть ответы. Он мог помочь. Может, он мог сделать для Перри то же, что и для меня.

Я пыталась пробраться в Тонкую вуаль, создать портал, но это не работало. Наверное, я была просто сумасшедшей старушкой, махающей руками, как волшебник. Я почти сдалась, пока не пропустила прием лекарств пару дней. Я была спокойной, и медсестры были не такими внимательными, как с остальными.

Но в ночь, когда дождь и ветер хлестали по окошку моей комнаты, воздух вокруг меня замерцал, и я шагнула в него.

Знакомое давление на голову, и глаза, казалось, лопнут. Это длилось дольше, чем в прошлый раз, но вскоре боль угасла, и я оказалась в сером месте, в параллельном мире. Якоб оказался со мной в комнате, сидел на неудобном стуле в углу.

— Пиппа, — сказал он со сдержанным кивком.

Слезы подступили к моим глазам.

— Якоб, — вскрикнула я, встала на ноги и обнаружила, что в них еще есть сила. В Тонкой вуали я была сильнее, и я использовала эту перемену, чтобы обнять юного проводника и плакать ему в плечо.

Когда мои слезы утихли, я принялась умолять Якоба помочь Перри.

— У нее уже может кто-то быть, — сказал он. — Это не должна быть ты.

— Могу ли я ей помочь? Можно дотянуться до нее через это место?

Он долго молчал, взвешивая варианты. Но я видела правду в его глазах, и он знал это.

И он сказал:

— Это место можно использовать для многого, но не стоит. Лучше всего делать то, что и я, — наблюдать за ней.

— Я никогда не встречаю внучку.

— Это, может, и к лучшему.

Я кивнула, а на сердце было тяжело.

— Мне стоило тебя послушать, — тихо призналась я.

— Да. Но что сделано, то сделано. Я могу лишь направлять тебя, а не делать за тебя выбор. Ты принимала решения, которые тогда казались лучшими, и я не виню тебя за это. И ты не вини себя. Перри и Ада...

— Ада? — я вскинула голову.

Он криво улыбнулся.

— Да, внучки. Перри и Ада тоже будут делать свои выборы, и им раскладывать карты, что им выдали. Ты не можешь толком ничего изменить.

Я обдумывала это. Где-то в его словах был подвох. Я могла делать все, что хочу, в Тонкой вуали, даже наблюдать за людьми. Что еще я могла? Может, это место могло служить для перемещений?

Якоб смотрел на меня, и я боялась, что он читает мои мысли. Если он это и делал, он этого не сказал.

— Хочешь увидеть ее, Пиппа.

Я с охотой закивала.

Он сцепил ладони.

— Хорошо. Сделай, как раньше. Но вместо создания портала сделай окно, сосредоточься на фотографии Перри.

— Но той фотографии уже несколько лет.

— Не важно.

Я послушалась и сосредоточилась на окне, желая увидеть малышку с большими голубыми глазами и длинными черными волосами за стеклом. Я думала так сильно, что ощутила давление в черепе, но я не успела предаться боли и моргнуть, воздух расступился, как вода, и стекло появилось на том месте. На другой стороне была реальность, была Перри. Теперь ей было не меньше шести, она была пухлой крохой, но прекрасной. У нее был уникальная красота, не как у ее мамы или Луди, и я была рада, что могу смотреть на нее без угрызений совести или стыда.

Перри сидела в своей комнате, окруженная игрушками, и читала книгу с картинками драконов. Она жевала ногти, но не в тревоге, а от восторга. Она была такой юной и невинной, что мне было сложно удержаться в стороне.

— Я могу все время приходить и так делать? — прошептала я, хотя Перри не могла меня слышать... да?

Девочка в окне вздрогнула, но только и всего.

Якоб сказал:

— Можешь... но...

— Что? — я боялась отводить от нее взгляд.

— Время в Тонкой вуали тоже идет. Ты сейчас не в своей комнате в больнице. Если придет медсестра, ты ее увидишь, но она тебя — нет. Ты не должна дать людям понять, что вуаль существует. И хотя многие не поверят, все равно будет опасно, если знания попадут не в те руки. Это опасно и для тебя. Ты не только привлекаешь к себе внимание при каждом визите, но и ты будешь получать... разные ухудшения, возвращаясь.

Я смогла посмотреть на него на миг и увидела, каким серьезным было его бледное

лицо.

— Меня не будут преследовать... видеть призраки? Разве что-то бывает хуже? — с горечью спросила я. — Ты видел, где я. Какой я стала!

— Хуже всегда может стать, — сказал он. — Я знаю только, что тело человека не создано для частых визитов в этот мир. Одного раза достаточно, чтобы усилить телекинез и телепатию. От этого может усилиться энергия внутри и привлекать других из вуали. Или тело и разум начнут ослабевать. Сильно ослабевать.

Я забыла о Перри на миг.

— Значит, когда я вернусь в свой мир, мое состояние может ухудшиться?

— Все может быть, Пиппа. Я только предупреждаю.

— Да. И спасибо за это.

Я повернулась к Перри, она рисовала в раскраске, высунув язык от сосредоточенности.

— Я оставлю тебя, — сказал он.

— Куда ты?

— Я буду неподалеку. Нужно помогать и остальным.

Он пошел к двери.

— погоди, — окликнула я его. Он замер и посмотрел на меня через плечо. — Я встретила мальчика.

— Деклана, — сказал он. Он увидел удивление на моем лице. — Я ведь наблюдал за тобой.

— Что с ним?

Он пожал плечами.

— Не знаю.

— Разве у него не должен быть проводник, приглядывающий за ним?

— Не у всех есть кто-то, как я. Твоя сила никогда не была скрытой. Перри и Деклан, скорее всего, останутся на таком уровне.

— Скорее всего?

— Люди могут выбирать, — зловеще ответил он. — Деклан закрыт от нашего мира. Перри — малышка. У них нет твоей силы, им это и не нужно.

— Откуда ты знаешь? Может, их дары разовьются, и они закончат, как я?

— Подумай о себе, Пиппа, — сказал он. Улыбнувшись, он помахал, открыл дверь и вышел в коридоре.

Я осталась одна в вуальной версии своей комнаты, серой и затхлой. Но была ли я одна. Нет, я видела Перри в окне сквозь лавандовую дымку. Я видела ее. И все? Не могла ли она как-то увидеть меня?

Все мы порой делаем плохие выборы, и они нас меняют. Я много раз так делала в своей жизни. И в этой туманной комнате в параллельном мире я приняла решение, о котором до сих пор жалею. Эгоистичное решение я воспринимала как бескорыстное. Я хотела предупредить Перри о сложностях, дать ей знать, что я буду с ней, несмотря ни на что. Это было правдой. Но крупнее была часть о том, что я не хотела быть одна, я хотела, чтобы она знала, кем была ее бабушка, и любила меня, как я любила ее мать.

Я сосредоточилась и из окна сделала дверь, попала в комнату Перри и втянула ее на Другую сторону.

От потрясения, что это сработало, я отлетела на пол, но рядом со мной была маленькая Перри, голубые глаза казались серыми. Я не знала, как сделать из Тонкой вуали ее комнату,

и, по ее испуганному лицу, я поняла, что она не знает, где оказалась.

— Мама! — взвыла она, безумно озираясь, длинные волосы взлетали за ней. Я быстро опустила ладони на ее плечи, стараясь не напугать еще сильнее.

— Перри, не бойся. Я — твоя бабушка, Пиппа, — сказала я ей успокаивающим тоном. — Я твоя бабушка, Перри.

Но мои слова не имели значения, Перри пыталась вырваться, слезы потекли по ее круглым щекам.

Я не подумала о таком. Что я хотела от шестилетней девочки? Я думала, что она поймет, где оказалась, и кем я была?

Я закусила губу и посмотрела на портал, через который втащила ее. Я все еще видела там ее комнату, хотя картинка угасала. От мысли, что она не вернется к семье, мое сердце пропустило удар.

— Перри! — сказала я ей. — Прости. Хочешь домой?

Она посмотрела на меня и кивнула со слезами.

— Ладно, — сказала я и протянула ей руку. — Не бойся меня. Я отведу тебя назад. И ты попадешь в свою комнату, да? Все будет так, словно ничего и не произошло.

Я не знала, могла ли так управлять чьим-нибудь разумом, стирать воспоминания. Очевидно, что Перри не вспомнила этот случай, даже с ее лечением. Или это сработало, или Перри сама прогнала из головы болезненный случай.

Перри вытерла слезы рукавом платья и с опасной опустила ладонь на мою протянутую руку. Моя кожа была тонкой, увядающей, с темно-серыми пятнами возраста. Ее была гладкой, бежевой. Я крепко обхватила ее ладошку и посмотрела на ее личико, думая, что вижу ее в первый и последний раз. Слезы полились из моих глаз, что успокоило Перри.

— Почему вы плачете? — спросила она. Тревога на ее лице была неподдельной.

— Потому что люблю тебя, но должна вернуть, — сказала я, давась словами. Я впервые ощутила в ком-то свою кровь. Казалось, я знала Перри всю ее жизнь.

А потом она поступила невероятно мило. Она сделала пару шажков ко мне и обвила ручками мою шею.

— Если вы не будете плакать, то и я не буду, — прошептала она в мои волосы. Я была так потрясена ее добротой, что не сразу смогла пошевелить губами.

— Хорошо, — тихо сказала я. Обняв ее, я взяла себя в руки. — Вернем тебя на место.

И я осторожно подтолкнула Перри в портал в ее комнату. Она упала на мягкий ковер, но не поранилась. Я не могла больше смотреть, так что закрыла глаза, пока портал не рассеялся, пока другой не стал вести в мою палату.

Я шагнула, ощутила жуткое давление, и все почернело.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Я проснулась через несколько дней в палате. Медсестра, похоже, нашла меня без сознания утром. Но, даже когда я пришла в себя, ничто не было прежним. Якоб был прав и в этот раз. Я зашла так далеко, что надежды не было. Тело ослабло, разум ушел на глубину, и я всюду видела демонов. Всюду. Даже в своем отражении. Я начала нападать на медсестер и других пациентов, пока мне не стали давать самые сильные лекарства.

Так я провела еще пять лет жизни. Последние пять лет. Я ничего не помню, кроме вспышек. Они проносились, как куски старого фильма. Я видела себя, смеющуюся в

одиночестве. Я видела, как одевалась в шторы и забавную одежду, как странно красила себя и других. Медсестры позволяли мне это, и я вспоминала времена из театра, пока я хорошо себя вела и принимала лекарства.

Надежды не было. Облегчения тоже. Воспоминания о моей жизни, о Карле и Ингрид, с Деклане и Перри, Швеции и даже Луди... угасали, становились неразборчивыми. Меня ждала лишь смерть.

Одной ночью я утащила себе в палату косметичек. Я тихо раздавила стулом точилку для карандаша для глаз. Она разбилась, и я забрала сияющий кусочек, который мне и был нужен.

Лезвие.

Я подняла его дрожащими пальцами и, не думая, порезала им оба запястья.

Я не чувствовала физическую боль. Кровь текла темно-красными ручьями с моих упавших рук, и я наслаждалась зловещей отдаленностью. Было спокойно.

Сначала.

А потом, пока я лежала на полу, жизнь начала вытекать из меня алым паром. Я ощутила невыносимую боль. Говорят, перед глазами проносится вся жизнь, но моя не пронеслась. Она тянулась медленно, и мне пришлось испытать всю боль и капли радости. Я цеплялась за моменты с Декланом и Майклом в Атлантик-сити, со мной и Луди, занимающимися любовью в театре, с рождением Ингрид, с объятиями внучки. Я старалась пережить их снова, ощутить боль и печаль, которые были такими настойчивыми. Я не знала, кто побеждал. Было ли счастье в мелочах вокруг меня? В понимающем взгляде, прощающем прикосновении, солнечном свете во дворе? Или сильнее было ощущение одиночества, неизвестности, когда меня бросили и не любили?

Я умирала с болью в сердце из-за того, что любила, и из-за чего страдала. В конце все было наравне.

В конце.

* * *

О, но моя история на этом не закончилась, да? Ни у кого не закончилась. Просто я первая вам рассказываю.

Смерть похожа на бесконечную тьму, но кто знает, как долго на самом деле длится эта пустота? Я открыла глаза и была уже не на полу палаты, кровь уже не текла. Я стояла возле озера в Швеции, у своего старого дома. Он был серым и тусклым, но все равно домом. Я пришла домой.

Я услышала, как за мной кашлянули, и отвела взгляд от красивого блестящего озера и посмотрела на лес. Якоб стоял возле деревьев, прислонился к березе.

Он улыбнулся мне и протянул руку.

— Идем со мной, Пиппа, — тихо сказал он. — Ты еще не дома.

Я улыбнулась, радуясь видеть, что я больше не в своем ужасном состоянии, а юная и с сильным телом. Я пошла к нему по траве вдоль дома. Дома, в котором я выросла, с его камнями, деревом и тишиной.

Я была рада видеть его, рада идти. Но...

Я замерла в паре шагов от него и оглянулась на озеро. В центре вода сияла сильнее обычного. Портал!

— Пиппа, — сказал он предупреждающим тоном.

Я покачала головой и виновато посмотрела на него.

— Я не могу пока что уйти.

— Ты ничего не можешь для них. У них свои жизни, — он знал, что я думала о Деклане и Перри. — У тебя своя жизнь. В другом месте. Дома.

— Нет, — сказала я, глядя на озеро. — Если я могу им помочь, хотя бы помочь найти друг друга...

— Судьба сведет их, если так должно быть.

— Да ну тебя и твою судьбу! — оскалилась я, мой гнев удивил меня. Он последовал за мной и сюда?

Его юное лицо не исказилось. Он словно все это ожидал. Может, он знал, что такой будет моя судьба, что бы я ни говорила ему, что бы ни делала. Судьба найдет меня.

Я посмотрела на землю. Мои ноги уже были не в тапочках, а в красивых блестящих туфельках, о каких я только мечтала. При виде их я улыбнулась и прогнала гнев.

Я должна помнить приятные мелочи. Даже в смерти.

— Так ты не идешь? — спросил он.

Даже в Тонкой вуали я как-то слышала пение птиц.

— Нет. Не иду. Пока что. Я ошибалась, и мне нужно исправить это.

Я посмотрела на Якоба. Он знал, что я притащила Перри на эту сторону. Я не знала, испортила ли ей этим жизнь, видела ли она от этого призраков, требовалась ли ей помощь. Я должна была помочь ей, ведь прокляла ее жизнь. Я знала о потенциале Деклана, жизнь ударяла по нему. Я была нужна и ему. Я не была уверена, смогу ли что-то изменить.

Я должна была попытаться.

Якоб отсалютовал мне и пошел в лес. Я знала, что увижу его снова. Я не уйду.

Я буду пытаться.

* * *

Я все еще пытаюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net